

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра: «Английского языка и литературы»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

На тему: Предложения с формальными it и there в современном английском языке.

Исполнитель: Глущенко Екатерина Александровна

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Грибенник Дмитрий Владимирович

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой: к. филол. н., доцент Антонова

Ксения Николаевна

«30» июля 2016 г

Санкт - Петербург

2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра: «Английского языка и литературы»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

На тему: «Предложения с формальным it и there в современном английском языке»

Исполнитель: Глущенко Екатерина Александровна

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Грибенник Дмитрий Владимирович

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой: _____ к. филол. н., доцент Антонова Ксения Николаевна

« ___ » _____ 20 ___ г

Санкт - Петербург

2016

Оглавление	
Введение.....	4-7
Глава I. Грамматические и семантические особенности предложений с «it» и «there».....	8
1.1. Причины появления «it» в качестве формального подлежащего	8-12
1.2. Типы местоимения «it» в предложении	12-18
1.3. Анализ теорий о роли «there» в предложении	18-29
Выводы по I главе	30
Глава II. Анализ комбинаторных свойств формальных «it» и «there»	31
2.1. Функции формального «it» в предложении	31-33
2.2. Перевод предложений с «it» на русский язык	34-40
2.3. Анализ комбинаторных свойств вводного «there»	40-50
Выводы по II главе	51-52
Заключение	53-56
Список литературы	
Список источников	
Приложение 1	

Введение

Настоящая дипломная работа посвящена рассмотрению предложений с «there» и формальным подлежащим «it» в английском языке, семантике и переводу на русский язык.

Р. Лангакер, Е. М. Образцова, Н. А. Кобрина предлагали различные теории о значении и функции слова «there» в предложениях, однако, до сих пор нет единого мнения относительно грамматической природы предложений с «there» в целом, ни о природе данного компонента в частности [32; 19; 12]. Кроме того, несмотря на достаточное количество работ, посвященных сочетаемости «there» с частями речи, работы В. Д. Берловской, Г. Х. Сатимова, Т. Р. Ванько [4; 21; 7], исследований на основе произведений одного конкретного автора проведено не было – этим и обусловлена актуальность данной дипломной работы. Предложения с формальным «it» и «there» рассматриваются как в семантическом отношении, так и структурно-синтаксическом.

Целью данной работы является исследование конструкций со значением интродуктивности и экзистенциальности, в том числе (в случае с «there») с инвертированным порядком элементов, а также анализ перевода данных предложений на русский язык.

Для осуществления данной цели были поставлены следующие задачи:

1. проанализировать различные теории о роли «there» в предложениях;
2. изучить значения и функции предложений с «there» и формальным подлежащим «it»;
3. теоретически подтвердить и практически доказать наличие определенной семантики у местоимения «there» в составе конструкции с глаголом;
4. проанализировать сочетаемость «there» с глаголами;
5. изучить частотность употребления местоимения «it» в зависимости от функции, выполняемой в предложении;

б. исследовать способы перевода предложений с формальным «there» и «it» на русский язык.

Объектом исследования в настоящей работе являются формальные начальные элементы «it» и «there» в предложениях.

Предметом исследования являются структурно-семантические особенности употребления конструкций с «it» и «there» и их перевод на русский язык.

Материалом исследования послужили примеры предложений с «there», а также их переводы на русский язык из 16 романов Ч. Диккенса: «The Posthumous Papers of the Pickwick Club» (1836; Chapman & Hall) и перевод А. В. Кривцовой и Е. Ланна «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1957; Гослитиздат), «Oliver Twist, or The Parish Boy's Progress» (1838; Richard Bentley) и перевод А. В. Кривцовой «Приключения Оливера Твиста» (1958; Гослитиздат). «The Life and Adventures of Nicholas Nickleby» (1839; Chapman & Hall) – перевод Н. А. Волжиной и Н. Д. Дарузес «Жизнь и приключения Николаса Никлби» (1958; Гослитиздат), «The Old Curiosity Shop» (1840; Chapman & Hall) – перевод Н. А. Волжиной «Лавка древностей» (1958; Гослитиздат), «Barnaby Rudge: A Tale of the Riots of Eighty» (1841; Chapman & Hall) – перевод М. Е. Абкиной «Барнеби Радж» (1958; Гослитиздат), «The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit» (1843; Chapman & Hall) – перевод Н. Л. Дарузес «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (1959; Гослитиздат), «Dombey and Son» (1848; Chapman & Hall) – перевод А. В. Кривцовой «Торговый дом Домби и сын» (1959; Гослитиздат), «David Copperfield» (1850; Chapman & Hall) – перевод А. В. Кривцовой и Е. Ланна, «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1959; Гослитиздат), «Bleak House» (1853; Bradbury & Evans) – перевод М. Клягиной-Кондратьевой «Холодный дом» (1960; Гослитиздат), «Hard Times – For These Times» (1854; Bradbury & Evans) – перевод В. М. Топер «Тяжелые времена» (1960; Гослитиздат), «Little Dorrit» (1855; Bradbury & Evans) – перевод Е. Д. Калашниковой «Крошка Доррит» (1960; Гослитиздат), «Great Expectations»

(1861; Chapman & Hall) – перевод М. Ф. Лорие «Большие Надежды» (1960; Гослитиздат), «Our Mutual Friend» (1864; Chapman & Hall) – «Наш общий друг» перевод Н. А. Волжиной и Н. Л. Дарузес (1962; Гослитиздат), «A Tale of Two Cities» (1859; Chapman & Hall) – перевод М. П. Боголовской и С. П. Боброва «Повесть о двух городах» (1960; Гослитиздат), «The Mystery of Edwin Drood» (1870; Chapman & Hall) – перевод О. Н. Хомской «Тайна Эдвина Друда» (1962; Гослитиздат), «Doctor Marigold's Prescriptions» (1865; Chapman & Hall) в переводе Е. М. Частиковой-Вэр «Предписания доктора Мериголда» (1901; Издательство П. П. Сорокина) и в переводе И. В. Гуровой «Рецепты доктора Мериголда» (1962; Гослитиздат). Статистический анализ функций, в которых выступает местоимение «it» и также был проведен на основе данных произведений.

Теоретической и методологической основой работы послужили научно-исследовательские труды как российских, так и зарубежных лингвистов по функциональной теоретической грамматике, общим вопросам языка, а именно работы Р. Д. Хаддлстона, Д. Лакоффа, Р. Лангакера, а также Н. А. Кобриной, Е. М. Образцовой, С. А. Жаботинской и А. И. Смирницкого [29; 16; 32; 13; 19; 9; 23].

Исследование фактического материала проводится на основе комплекса таких методов, как: семантико-синтаксический метод, функциональный анализ, анализ по непосредственным составляющим, элементы частотной оценки. При написании работы был использован метод сплошной выборки, с целью определить частотность употребления формального «it» в той или иной функции. Описательный метод – для описания грамматических и семантических характеристик предложений, содержащих «it» и «there». Исследование проводится в синхронном плане. Новизна работы состоит в том, комбинаторный анализ сочетаемости «there + verb», а так же статистический анализ употребления предложений с формальным подлежащим «it» были проведены впервые на материале произведений Ч. Диккенса.

Практическая значимость данной дипломной работы заключается в возможности использования ее результатов в преподавании английского языка студентам высшей школы на 1-4 курсах по специальности английская филология, в лекционных курсах по теоретической грамматике и в практических занятиях по дисциплине перевод и переводоведение.

Работа изложена на 56 страницах машинописного текста и состоит из введения, двух глав и выводов по ним, заключения, списка использованной литературы, списка источников и приложения. Список литературы включает 40 источников, из них 16 на иностранных языках.

Результаты исследования были представлены в виде докладов на неделе науки в РГГМУ (г. Санкт-Петербург) 23 марта 2016 г. в секции «Актуальные проблемы зарубежной филологии», а также на межвузовской студенческой научной конференции «Современная филология: теория и практика» 14 мая 2016 г. в секции «Актуальные вопросы английской филологии и методики преподавания английского языка».

Глава I. Грамматические и семантические особенности предложений с «it» и «there».

В настоящей дипломной работе рассматриваются предложения с формальным «it» и «there». Причин, по которым именно данные конструкции были выбраны для анализа несколько. Во-первых, они часто рассматриваются вместе вследствие аналогии, заключенной в их синтаксическом свойстве. На сходство данных конструкций указывают такие факторы, как приблизительно одинаковое время их появления – в эпоху среднеанглийского языка, сфера употребления – обе часто используются в описании погодных условий. Также «there» и формальное «it» занимают начальную позицию в утвердительных предложениях. На наш взгляд, начальная позиция указывает на сходство в функциях, выполняемых данными местоимениями - оба помогают облегчить высказывание для восприятия, сохраняют порядок слов и делают предложение точнее и лаконичнее. Кроме того, «there» и «it» имеют одинаковое положение в вопросительных предложениях и разделительных вопросах. По этой и другим причинам многими исследователями было сделано предположение, что данные местоимения могут выполнять функцию «формального» подлежащего и служат с целью образовать устойчивый порядок слов английского предложения и смысловое подлежащее.

1.1 Причины появления «it» в качестве формального подлежащего.

Использование местоимения «it» в безличных предложениях не всегда было типичным для английского языка. Для древнеанглийского языка было характерно разнообразие грамматической структуры. По данной причине до XI века в роли безличных предложений выступали как предложения без подлежащего со сказуемым в форме 3 лица единственного числа, так и предложения с формальным «hyt». Использование «hyt» не было обязательным. По мнению Н. Валена, употребление данного местоимения в безличных предложениях было факультативным, оно не было закреплено

никакими грамматическими правилами [40, с. 11]. Кроме того, стоит отметить, что в текстах XI-XII в. изменяется функция обстоятельства места «*fæŋ*» – оно начинает выступать в качестве формального подлежащего. Однако в XI – XIV веке, в эпоху среднеанглийского языка, двусоставные безличные предложения начинают употребляться чаще односоставных. Затем, в XV веке, употребление «*it*» в безличных предложениях преобладает, однако, к концу XV века, безличные обороты были вытеснены личными [10, с. 144]. Использование личного местоимения начинает не только преобладать, но становится единственным возможным вариантом выражения.

Господство личных конструкций в английском языке продлилось вплоть до XVI в. Однако в XVII в. «*it*» заняло постоянное место в безличных предложениях. Причиной данных изменений послужило закрепление фиксированного порядка слов, предписывающего обязательное наличие подлежащего в предложении на первом месте, а сказуемого на втором. По мнению Е. Ж. Зарецкого, исчезновение безличных конструкций в английском, как и в других языках индоевропейского происхождения, стало следствием перехода от синтетического строя к аналитическому [10, с. 8].

В современном английском языке местоимение «*it*» является «формальным» подлежащим, у которого нет прямого перевода на русский язык, так как оно может выражать любое явление, лицо или предмет, которое не является явным участником коммуникации. Лингвисты продолжают интересоваться безличными предложениями из-за их неоднородной по семантике структуре и отсутствию единства функционального назначения слова «*it*» и оборота «*there + to be*». До сих пор идут споры о значении и функции данных слов в безличных конструкциях.

Как утверждает Р. Молиг-Фальке (R. Möhlig-Falke), при изучении безличных предложений необходимо отталкиваться от понятия «безличности» [35, с. 6]. По ее мнению, само понятие «безличность» не существует, однако, данный термин используется в отношении предложений,

содержащих определенный набор как морфологических, так и синтаксических признаков [35, с. 6]. К безличным Р. Молиг-Фальке относит те предложения, в которых отсутствует грамматическое подлежащее, а глагол сказуемое обязательно стоит в третьем лице [35, с. 7].

Впервые употребил термин «безличные» по отношению к предложениям с формальным подлежащим «*hyt*» Г. Свит. Он же говорил о необходимости разделения «безличности» в лингвистике и «безличности» как литературного приема, что в современном языкознании считается очевидным [39, с.150]. Согласно Свиту термин «*impersonal*» был первоначально использован для обозначения глаголов, не согласующихся с подлежащим. Следует отметить, что на протяжении всего периода изучения безличных конструкций определение «*impersonal*» употребляется в отношении предложений с «*it*». Однако некоторые исследователи предлагали собственные формулировки, с целью уточнить понятие, например, Р. Хогг считал понятие «*impersonal*» не совсем подходящим, он ввел термин «*subjectless*», отмечая именно факт отсутствия реального подлежащего [28, с. 208]. Тем не менее, термин «безличные» прочно закрепился в лингвистике и достаточно объективно определяет данный тип предложений.

Опираясь на идеи Свита, Ван дер Гааф провел разделение действительно безличных (*really impersonal*) и «квази» безличных конструкций (*quasi-impersonal*) [25, с. 60]. К первым он отнес предложения с единственно возможным подлежащим «*it*». У «квази» безличных конструкций, по его мнению, вместо подлежащего в именительном падеже, так же присутствует «формальное» «*it*», но при этом имеется и логическое подлежащее, которое стоит в дативе или аккузативе [27, с. 61]. Данная теория Ван Дер Гаафа была в дальнейшем развита исследователями, однако сама терминология «*really impersonal*» и «*quasi impersonal*» не была сохранена. На наш взгляд, Ван Дер Гааф провел необходимое разделение между двумя видами «*it*», но его терминология усложнила квалификацию безличных предложений, поэтому была изменена исследователями.

На ранних этапах изучения исследователи связывали появление безличных конструкций с мифологическим мировоззрением людей. Наиболее ярко данная позиция выражена в работах Ф. Коха, Л. П. Пюро [31; 20]. При данном подходе местоимение «it» является остатком мифологических представлений людей об источнике действия. «It» могло обозначать божественные или потусторонние силы, которые человек не мог преодолеть или понять [10, с. 108]. Однако в начале XX века зародилось противоположное мнение, согласно которому функция имперсонала состояла в том, чтобы указывать на происходящее действие, но не говорить ничего об источнике этого действия. Данной точки зрения придерживался Е. Ж. Зарецкий, он отмечал, что из-за недостаточно развитого мышления, у людей еще не сформировались представления о Боге, именно поэтому безличные конструкции не указывали на источник действия, а только описывали его [10, с. 108].

В XX веке О. Есперсен говорил о морфологических и синтаксических изменениях в период средневековья, ставших, по его мнению, причиной использования «it» в качестве обязательного подлежащего [8, с. 322]. Так же ученый отмечал определенную направленность языков на переосмысление дополнения. Согласно Есперсену, в каждом языке с течением времени произойдет его трансформация в подлежащее. Он связывал это с пересмотром понятия источника действия, в результате которого, дополнение будет выражено именительным падежом, а, следовательно, приобретёт форму подлежащего. С данной точкой зрения невозможно согласиться, так как она справедлива только в отношении языков синтетического строя и не применима к языкам, подвергшимся аналитизации [8, с. 320].

Однако в XX веке главной причиной появления безличных конструкций была названа аналитизация английского языка. По мнению А. И. Смирницкого, подлежащее стало необходимым условием любого предложения из-за недостатка флексий и устойчивой формы глагола [23, с.

202]. В настоящем исследовании мы будем придерживаться данной точки зрения – она является наиболее обоснованной, так как опирается на грамматический строй языка, а не на представления о дорелигиозном сознании людей.

1.2 Типы местоимения «it» в предложении.

Являясь обязательным компонентом безличного предложения в английском языке «it» выполняет определенные функции. В лингвистике традиционно проводится разделение безличных конструкций, осложненных герундием и инфинитивом и не осложненных. Многие исследователи предлагали свои понятия, для разделения данных конструкций. Различную терминологию можно встретить в работах Р. Кверка (*prop it / impersonal it*), Д. Болинджера (*ambient it / impersonal it*), В. Л. Каушанской (*impersonal it / introductory, anticipatory it*) и других [34, 25,11].

Необходимо также отметить вклад М. Я. Блоха в изучение предложений, содержащих «it». Исследователь создал теорию парадигматического синтаксиса, в пределах которой «предваряюще-выделительные предложения» [6, с. 142]. Согласно Блоху, в данном виде высказываний проходит согласование глагола по числу и лицу, поэтому они являются личными. Л. С. Бархударов относил само местоимение «it» к личным, утверждая, что оно обладает собственной семантикой. При этом семантический статус «it» может быть выявлен только при наличии контекста [2, с. 163]. Кроме того, А. С. Лейкина утверждала, что тот факт, что «it» не является значимым участником коммуникации, не доказывает, что оно не имеет семантики, а только подтверждает формальность данного местоимения [17, с. 15]. Мы позволим себе усомниться в наличии у «it», определенной семантики. На наш взгляд, тот факт, что она проявляется только в контексте, свидетельствует о несамостоятельности слова «it». Необходимо согласиться с исследователями в том, что данное местоимение является личным, однако предложения с формальным «it» считать личными

нельзя, так как в них «it» не выполняет номинативную функцию, а наоборот служит с целью подчеркнуть, что действие совершается неизвестным лицом.

В данном исследовании нам представляется необходимым разграничить типы «it» с целью правильно выделить его функции в предложении. Прежде чем это сделать следует изучить уже существующие типологии предложений с «it». Большинство исследователей при определении функций «it» в предложении отталкивались от значений предикатов. А. С. Лейкина отмечала, что предикаты, включенные в «предваряюще-вводную» конструкцию, могут означать процесс, действие или состояние [17, с. 11]. Основываясь на семантической структуре предложений и употреблении времени глагола, она выделяла оценочный, указательный, предположительный, событийный предикаты, а также предикат констатации факта и умственного восприятия [17, с. 10]. О. А. Березина провела обширную систематизацию предложений с местоимением «it», разделив их в зависимости от предиката на собственно безличные и «глагольные предложения с функционально-безличными предикатами» [3, с. 133]. Исследование Березиной имеет большое значение для изучения предложений с «it» не только из-за проведенной систематизации, но и из-за подробного анализа предикатов, а так же описания случаев использования безличных предложений в речи.

Р. Х. Сатимов предлагал разделять предложения с «it» на квазибезличные и окказионально-безличные [21, с. 27]. Необходимо отметить, что термин квазибезличные (quasi-impersonal) уже был предложен Ван дер Гаафом, однако, Сатимов использовал его для обозначения предложений с формальным «it» и сказуемым в форме страдательного залога. По мнению лингвиста, именно поссессивный залог способствует безличности предложения, так как он выражает неопределенное лицо [21, с. 29]. К окказионально-безличным Сатимов относил сложноподчиненные предложения с «it» в которых предикат представлен прилагательным или именем существительным [21, с. 44]. Окказионально-безличные, в свою

очередь, подразделяются на модально-безличные (на месте предиката стоят слова, обладающие модальным значением и образующие безличное сказуемое) и оценочно-безличные (место сказуемого занимают слова, дающие оценку действия или состояния качественные прилагательные и абстрактные существительные) [20, с. 57]. На наш взгляд классификация Сатимова важна для изучения формального подлежащего, так как в ней дан подробный анализ предиката, используемого в предложениях с начальным «it».

С. С. Лийв также занимался анализом предикатов, употребляющихся с «it». Он полагал, что данное местоимение используется как способ ослабления объектных и субъектных связей сказуемого [18, с. 79]. Лингвист рассмотрел «it» с точки зрения морфологии, семантики и синтагматики, а также классифицировал глаголы-сказуемые по семантическим разрядам и актантной схеме [18, с. 80]. Т. Р. Ванько, изучая семантику предложений с «it», провела деление, основываясь на оценке, заданной предикатом. Она выделяла модальные предложения, обозначающие возможность, достоверность или необходимость и оценочные предложения, состоящие из трех подтипов. Первый – оценочные предложения интеллектуальной оценки, в которых автор дает оценку, основываясь на логических умозаключениях [7, с. 15]. Второй тип – предложения эмоциональной оценки, описывающие чувства и эмоции говорящего [7, с. 16]. Третий тип – предложения общей оценки, в которых сообщается общепризнанный факт [7, с. 16]. Кроме того, исследователь указывала на существование предложений, не обладающих каким-либо модальным или оценочным значением. В качестве предиката в данном типе предложений употребляются глаголы умственной деятельности или речевой [7, с. 16]. Классификация Ванько заслуживает внимания, так как она рассматривает предложения с «it», основываясь на восприятии автора высказывания и его оценки, происходящих действий или событий, а, следовательно, данная классификация приближена к практическому использованию предложений с «it» в речи.

В данном исследовании мы провели разделение «it» на два типа. Первое «it» – номинативное, выступает в предложениях не только в начальной позиции. Оно может выполнять функцию как грамматического, так и смыслового подлежащего. Оно является личным местоимением и может обозначать какой-либо одушевленный или неодушевленный предмет, называть конкретный объект или абстрактную идею. Номинативное «it» также употребляется с целью указать на какое-либо лицо или предмет, стоящее на месте предиката. Например, «It is Mary» [71, с. 148] (Это Мэри)¹, данное предложение чаще всего сопровождается указательным жестом и направляет внимание слушателя на конкретный объект.

Другая функция номинативного «it» заключается в замещении упомянутого ранее объекта. «It» может замещать как предмет, процесс, о котором ранее шла речь в каком-либо определенном контексте, так и природное явление, попавшие во внимание реального наблюдателя. Однако «it» заменяет не только объекты, находящиеся в конкретной ситуации в указанном пространстве, но и те, о которых говорящий имеет представление, основываясь на результатах общественного опыта.

Для второго типа «it» характерно употребление в качестве формального члена предложения. Формальное «it» занимает место подлежащего в предложении, но им не является. Мы согласны с позицией В. Л. Каушанской, что «it» используется с целью представить главное подлежащие [11, с. 220]. Однако данный вопрос является спорным, некоторые исследователи, например Л. С. Бархударов, полагают, что «it» это реальное подлежащие, состоящее из формально элемента и смыслового подлежащего, а оставшуюся часть в предложении трактуют как сказуемое [2, с. 145]. Если «it» и обладает семантикой, то на наш взгляд она не ярко выражена, и именно это не позволяет «it» быть главным подлежащим в предложении.

¹ Диккенс Ч. Лавка Древностей / пер. с англ. Н. Волжиной. – М. : Гослитиздат, 1958, с. 140

Формальное «it» в свою очередь разделяется на два подтипа: безличное «it»(impersonal) и вводное «it» (introductory). Термин «impersonal» встречается в широком спектре работ, посвященных семантике «it» и его грамматической природе. Смысловое подлежащее, в предложениях с безличным «it» в большинстве случаев выражено существительным, местоимением или числительным. Примерами могут послужить следующие предложения из романа Ч. Диккенса «Холодный дом»: «It is a coincidence» [72, с. 766] (Это всего лишь совпадение)², «It is eight o'clock now» [72, с. 988] (Уже восемь часов вечера)³. Данные предложения нельзя переформулировать, убрав местоимение «it» и оставив семантику предложения без изменений. На наш взгляд, невозможность переформулировки, доказывает тот факт, что данные предложения содержат безличное «it».

Безличное «it», как правило, встречается в предложениях обозначающих природные, погодные, временные условия и используется для сохранения двусоставности предложения. С семантической точки зрения «it» не обозначает конкретный предмет, но является вспомогательным элементом, который на подсознательном уровне указывает, что действие производится неизвестным лицом, которое не является членом коммуникации. Вследствие этого первая функция «it» может быть определена как указание на источник действия, который неизвестен автору высказывания. Данное предназначение «it» очень тесно взаимосвязано с причинами его появления в безличных предложениях – оно использовалось с целью подчеркнуть неизвестность источника действия.

Безличное «it» является обязательным элементом в построении безличного предложения в английском языке. Тем не менее, в разговорной речи встречаются случаи, когда говорящий, не успевая произнести предложение, намеренно опускает данный элемент, стараясь как можно

² Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. с англ. А. Кривцовой и Е. Ланна. М. : Гослитиздат, 1957, с. 769.

³ Там же. С. 866.

быстрее донести главную мысль до слушающего. Такие случаи возможны только по каким-либо внешним причинам, зависящим от условий в которых проходит коммуникация. Безличные предложения без «it» не являются грамматически правильными, именно поэтому они встречаются только в устной речи, например в комментариях по телевидению и радио. Стоит отметить, что упущение «it» происходит в большинстве случаев в восклицательных предложениях, так как интонация автора помогает слушателю понять смысл высказывания. Однако в письменной речи и художественном тексте исключение «it» вряд ли возможно. Рассмотрим предложение «It is your misfortune» [60, с. 455] (Это твоя беда!)⁴ из романа Ч. Диккенса Холодный дом. Данное предложение является типичным примером употребления безличного «it». Форму, не содержащую местоимение - «your misfortune!» можно использовать в разговоре, однако только как ответ на конкретный вопрос, и при этом, она должна обладать яркой интонационной окраской. В вопросительных безличных предложениях упущение «it» вряд ли возможно, так как при его помощи и при помощи инвертированного порядка слов строится само вопросительное высказывание: «Is it your misfortune?» (Это твоя беда?). Вариант: «Your misfortune?» (Твоя беда?) может быть использован в неформальной разговорной речи, однако, в большинстве случаев в качестве переспроса, а не самостоятельного вопроса. Следовательно, безличное «it» выполняет функцию неизменного компонента высказывания, при упущении которого структура предложения становится неполной и не всегда понятной для слушателя.

Второй подтип формального «it» – это вводное it (introductory). Данный термин можно встретить в работах Н. А. Кобриной [12; 13]. Он обозначает «it», которое используется в предложении для сохранения порядка слов и употребляется с целью ввести рему высказывания, дать авторскую оценку или ввести информацию о каком-либо признанном событии, обстоятельстве или явлении.

⁴ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, М. : Гослитиздат, 1960, с. 376.

Таким образом, после изучения классификаций местоимения «it», предложенных такими исследователями как Н. А. Кобрина, Т. Р. Ванько, Г. Х. Сатимов [13; 7; 21], мы пришли к выводу, что в зависимости от роли, выполняемой в предложении, «it» может быть номинативным или формальным. Исследовав причины появления данного местоимения в безличных предложениях, мы выяснили, что номинативное «it» стало использоваться раньше формального, однако, определенные условия, а именно анализация английского языка и появление фиксированного порядка слов, послужили причиной его функционирования в качестве формального подлежащего.

1.3. Анализ теорий о роли «there» в предложении

Кроме вопросов, касающихся происхождения и функций формального подлежащего «it», в центре внимания исследователей особое место занимает проблема структуры и семантики предложений с «there». Интерес лингвистов к предложениям с «there» в начальной позиции вызван отсутствием единого мнения относительно грамматической природы данных безличных конструкций в целом и в частности самого слова «there», как отдельном элементе. Среди ученых, занимающихся проблемой синтаксического статуса «there» нет единой концепции. По мнению С. А. Жаботинской, особого внимания требует специфика данных предложений, так как «there» обладает свойствами не характерными для типичного подлежащего: не имеет определенной семантики, является нереферентным и формальным [9, с. 241]. Появившись в период древнеанглийского языка, «there» имело только локативное значение, то есть использовалось в качестве наречия места [26, с. 209]. Однако в период среднеанглийского языка «there» начинает приобретать значение существования. Р. М. Хогг указывал, что употребление в среднеанглийском формального «there» преобладало в описаниях событий от 1го лица множественного числа, и, по его мнению, оно могло выступать в качестве особенности разговорной речи [28, с. 219]. В

современном английском языке употребление «there» в разговорной речи крайне распространено. Однако в письменной речи, как указывала О. Н. Селиверстова, предпочтение отдается предложениям с реальным подлежащим и последующим сказуемым, а не конструкциям с формальным there [22, с. 699].

Необходимо выделить несколько подходов к решению проблемы определения синтаксического статуса «there». Существует две основные точки зрения на проблему. Первый подход реализован в работах Р. Кверка, Р. Хаддлстона, Л. С. Бархударова, в его основе лежит утверждение, что «there» является грамматическим подлежащим [34; 29; 2]. Так же одним из главных сторонников данной точки зрения был О. Есперсен. В своей «Философии грамматики» он подробно изложил причины, по которым «there» можно считать подлежащим. По его мнению, «there» занимает место главного члена предложения с целью миновать случаи употребления подлежащего с неопределенным артиклем в начале предложения [8, с. 165]. С данным утверждением исследователя необходимо согласиться, так как действительно в английском языке, часто в начале рассказа и в качестве зачина в сказках предпочтительнее употреблять предложения с формальным «there». Кроме того, Есперсен полагал, что второе подлежащее, введенное при помощи «there» нельзя считать грамматическим и главным, так как оно стоит после глагола и противоречит порядку слов в английском языке [8, с. 167]. На наш взгляд, при определении синтаксического статуса «there» ученый делал особый акцент на его месте в предложении и уделял недостаточное внимание семантике данного местоимения. С. Есперсоном были согласны такие исследователи как Р. Кверк, М. Свон [34; 38]. Первый отмечал, что «there» в большинстве случаев ведет себя как подлежащее, но при этом проводил разделение между «there» в «экзистенциальных» предложениях и «there» как «introductory adverb» [34, с. 1405]. М. Свон придерживался тех же взглядов, что и Кверк, но при этом он проводил разделение, основываясь на разнице в произношении. «There», выступающее в функции вводного подлежащего,

часто редуцируется и произносится как /ðə(r)/, а «there» в качестве обстоятельства места имеет форму /ðeə(r)/ [38, с. 579]. Необходимо отметить, что Свон справедливо указывает на разницу в произношении в зависимости от функции «there» в предложении, но с исследователем нельзя согласиться в том, что «there» является вводным подлежащим.

Действительно, из-за первого места в предложении при фиксированном порядке слов, «there» допустимо считать таковым, но при этом «there» не обладает всеми характеристиками подлежащего. Еще одной из причин, по которой «there» не может быть главным членом предложения, является тот факт, что подлежащее в английском языке обязано обозначать какой-либо конкретный предмет или объект. Под конкретным имеется в виду существительное с определенным артиклем the. По данной причине, высказывания, начинающиеся с существительного с неопределенным артиклем, не распространены в английском языке. В случаях, когда необходимо ввести какую-либо новую информацию или сообщить о существовании или наличии нового объекта, в предложении употребляется «there». Кроме того, для английского языка характерен перенос ремы в конец предложения, именно поэтому существительные с неопределенным артиклем не может стоять на первом месте. Конечно, артикль указывает на тот факт, что объект, о котором пойдет речь, будет употреблен впервые, но этого недостаточно и с данной целью в предложении появляется «there».

Второй подход в определении синтаксического статуса «there» заключается в рассмотрении данного местоимения как структурного элемента, используемого с целью инверсии и заполнения пустующего места подлежащего. При данном подходе «there» рассматривается как асемантический элемент, то есть как элемент, не имеющий собственной семантики. Данной точки зрения придерживались такие исследователи как, Р. Лангакер, Р. М. Хогг, С. А. Жаботинская, В. Е. Шевякова [32; 28; 9; 24]. В работах Р. Лангакера часто можно встретить слово пустышка (dummy) в отношении слова «there» [32, с. 13]. В. Е. Шевякова, рассматривая случаи,

когда «there» вводит смысловое подлежащее, говорила о возможности его вытеснения из предложения, без вреда для семантики [24, с. 129]. Р. Хогг и И. Г. Кошечкина рассматривали «there» по принципу аналогии с предваряющим «it». Кошечкина утверждала, «there» в семантическом плане обладает большей пустотой, чем «it» [14, с. 46]. Р. Хогг отмечал, что оба данных местоимения выполняют в предложении функцию «пустого подлежащего» (empty subject). Исследователь считал, что «there» не полностью заменяет подлежащее, а является пустым в том смысле, что используется с целью поставить на его позицию определенный элемент [28, с. 216].

Изучив мнения исследователей данного направления, стоит отметить, что они не относят «there» к членам предложения из-за его слабой роли в структуре высказывания. Так же они делают акцент на возможности опущения «there» и переформулировки фразы в конструкцию с прямым порядком слов. Данный подход нам не кажется правомерным, так как есть основания утверждать о наличии у «there» определенной семантики, особенно ярко, на наш взгляд, она проявляется в сочетании «there» с другими смысловыми глаголами, кроме глагола «to be».

При изучении работ, относительно семантического статуса «there» необходимо упомянуть мнение Л. С. Бархударова. Исследователь трактовал конструкции с «there» как конструкции с составным подлежащим, в состав которого входит не только местоимение, но и именная часть, например, «there... a long silence» [2, с. 162]. Особенность данного типа предложений, по мнению лингвиста, заключается в том, что подлежащее имеет прерывистую структуру. Наличие «there» объясняется необходимостью присутствия формального элемента в позиции подлежащего, в то время как его смысловая составляющая, это может быть существительное или субстантивное местоимение, может быть смещена в позицию после сказуемого [2, с. 163]. При этом грамматические признаки подлежащего будут поровну распределены между «there» и лексической частью [2, с. 163]. Свое мнение Бархударов подтверждал тем фактом, что в разделительных вопросах «there»

стоит на месте подлежащего. Мнение лингвиста находится на периферии двух, выделенных нами групп. С одной стороны Бархударов близок к трактовкам, предложенными сторонниками первой группы, однако, он выделял составную природу подлежащего, что не было отмечено другими исследователями. С другой стороны, лингвист близок к представителям второй группы, так как подчеркивал формальность «there», но он упоминал отсутствие семантики у данного местоимения.

В свою очередь необходимо изучить концепции, не соответствующие ни одному из существующих подходов. Лингвисты данной группы предлагали различные трактовки «there» и вводили собственные понятия. Например, Г. Кирквуд называл «there» вводящей частицей – «introductory particle» [см. 30], Ф. С. Скотт не считал «there» собственно подлежащим и ввел понятие «substantive subject» (субстантивное подлежащее) [см. 37]. Отмечая, что «there» не обозначает какое-либо лицо и не демонстрирует его, Н. А. Кобрина использует определение «position-filler» [13, с. 230]. Кроме того, исследователь определяет важнейшую функцию «there» – предшествование полноценному подлежащему, которое может быть выражено местоимением, существительным или герундием [13, с. 230]. Несмотря на разницу в трактовках синтаксической функции «there» в предложении, выше перечисленных исследователей можно условно отнести к одному направлению, так как в большинстве случаев они указывали на формальность «there» и вводили собственные термины для его определения.

Диаметрально противоположного мнения относительно функции «there» в предложении придерживалась Е. М. Образцова. Она так же отказывалась от трактовки «there» как подлежащего, объясняя это рядом причин. Во-первых, оно не может быть соотнесено с каким либо одушевленным или неодушевленным предметом, абстрактным понятием или явлением [19, с. 98]. Во-вторых, исследователь указывала на невозможность замены «there» на личное местоимение, а данная вариативность есть у каждого подлежащего [19, с. 100]. Образцова обращала внимание на то, что и

глагольным компонентом «there» быть не может, так как не выступает в форме герундия, причастия или инфинитива. Таким образом, она пришла к выводу, что «there» является «адвербиальным восполнителем лично-глагольного конституента сказуемого» [19, с.105]. Данная точка зрения на наш взгляд наиболее адекватна сегодняшнему пониманию проблемы, так как аргументировано доказывает, почему «there» не может являться подлежащим в предложении.

Проанализировав с критической точки зрения теории о роли «there» в предложении, необходимо отметить, что, несмотря на обширную разницу трактовок, большинство исследователей, за исключением представителей второго подхода, отмечают наличие определенной семантики у данного местоимения.

Предложения с вводным «there» отражают субъективное восприятие происходящих действий, ситуаций, с позиции наблюдателя, находящегося в данный момент ситуации. Безличные предложения с «there» утверждающие или отрицающие существование какого-либо объекта называют «бытийными» или «экзистенциальными». Традиционно в лингвистике бытийность рассматривается как семантическая категория, обозначающая наличие, бытие какого-либо предмета в пространстве. По мнению А. В. Бондарко, бытийность на языковом уровне проявляется при помощи бытийных ситуаций, а бытийная ситуация выражается при помощи конкретного типа высказывания обладающего семантикой существования и бытия [5, с. 100]. Предложения с «there» и формальным «it» называют не только «бытийными», но и «экзистенциальными». Данную терминологию можно встретить как в работах зарубежных исследователей И. Коморовки, А. Радфорд, Л. МакНелли так и у российских лингвистов С. П. Анохина, О. Н. Селиверстовой [26; 36; 33; 1; 22]. Истоками термин «existential sentences» уходит к «Философии грамматики» О. Есперсена: «если бы нам нужен был специальный термин, мы могли бы назвать их „предложениями бытия“ — англ. existential sentences» [8, с. 121]. На наш взгляд, «бытийный» и

«экзистенциальный» являются синонимами. Они взаимозаменяют друг друга и применяются в отношении предложений со значением «существования» или «несуществования» какого-либо предмета в действительности, в окружающем мире, наделенном определенными характеристиками. Однако некоторые исследователи, например С. П. Анохина, считали необходимым разделять данные понятия. К бытийным предложениям она относила те, которые указывают на наличие объекта в действительности и при этом содержат «локальный элемент» [1, с. 13]. Экзистенциальными же, по ее мнению, являлись те предложения, в которых данный элемент отсутствовал [1, с. 14]. Различая положения «существования» и «бытия», Анохина сравнивала их с понятием «местонахождение», так же основываясь на особенностях семантической структуры предложений [1, с. 14].

Однако многими лингвистами, С. Е. Кузьмина, Н. А. Кобриной, Образцовой разграничение «бытийных» и «экзистенциальных» предложений проведено не было [15; 12]. Важным остается тот факт, что в предложениях с «there» обозначение существования, обычно проходящее на абстрактном уровне, приобретает конкретную речевую форму. В этом заключается главная функция конструкций с «there» – идея существования предмета находит конкретное, синтаксическое выражение. Данную функцию можно проиллюстрировать предложением с формальным «there» и его трансформом, например, «the ship is upon the ocean» [67, с. 403] (плывет по океану корабль)⁵ = «there is a a ship upon the ocean». Представленные высказывания можно считать трансформами друг друга, однако они отличаются не только по форме, но и по семантике. Первое предложение сообщает о конкретном местоположении предмета в пространстве. Во втором же примере при помощи формального «there» акцент сделан на существование, бытие объекта, без конкретизации точного местоположения.

Перед выявлением семантики «there» необходимо рассмотреть его функции в экзистенциальных и дейктических конструкциях. Данная

⁵ Диккенс Ч. Наш общий друг / пер. с англ. Н. Волжиной и Н. Дарузес, М. : Гослитиздат, 1962, с. 401.

терминология была предложена Д. Лакоффом [16, с. 152]. Однако и другие исследователи, например Р. Д. Хаддлстон, указывали на необходимость классификации «there» в зависимости от типа предложения. Он разделял предложения с «there» на «экзистенциальные» и «презентационные» (existentials, presentationals) [29, с. 1650]. К первым, он относил «dummy there», не обладающее указательным или локативным значением [29, с. 1651]. Так же, по его мнению, к первой группе можно отнести сочетание «there» + to be, а ко второй «there» в комбинации с другими смысловыми глаголами [29, с. 1390]. Хаддлстон считал, что только «there» + to be обладает семантикой бытия. Он подтверждал свою точку зрения заменой глагола to be на глагол с явным значением существования exist. Лакофф так же считал данную трансформацию доказательством экзистенциальности «there». Несомненно, при замене to be на exist значение «there» становится очевидным, однако, не представляется возможным согласиться с тем, что при употреблении с другими смысловыми глаголами «there» теряет свою семантику. Да, экзистенциальное значение наиболее ярко в сочетаниях типа, «there+ to be» / exist, но оно становится таким только попадая под влияние соседних глаголов. Проблема выявления семантики «there» заключается в его крайне абстрактном и трудноопределимом значении. О. Н. Селиверстова видела проблему трактовки «there» в отсутствии видимой и отчетливой разницы между существованием, подразумевающим наличие в каком-то пространстве и «существования в собственном смысле слова» [22, с. 693]. С исследователем необходимо согласиться, так как действительно в лингвистике не происходит четкого различия между понятиями «существования» и «бытия».

В отличие от Хаддлстона, Лакофф не только провел разделение «there» в экзистенциальных и дейктических конструкциях, но и выделил в каждом из них подтипы. Так, он делит экзистенциальные предложения с «there» на 5 типов: центральные, странные, инфинитивные, онтологические, презентационные [16, с. 700]. Центральная конструкция, по его мнению,

имеет своей целью сосредоточить внимание слушающего на «референте именной группы» [16, с. 703]. Странная экзистенциальная конструкция очень близка к центральной, но при этом в ней после «there» может употребляться не только глагол to be, но и to have обычно в перфектной форме [16, с. 729]. Инфинитивные экзистенциальные конструкции так же имеют в своей основе центральные, но при этом содержат инфинитивный оборот. Четвертый тип экзистенциальных конструкций, по его мнению, напрямую связан с онтологией, то есть с выражаемым значением существования или несуществования объекта [16, с. 730]. Глагол to be в онтологических конструкциях можно заменить на глагол exist, который будет обладать фразовым ударением. Последний тип экзистенциальных конструкций – презентационные, может быть охарактеризован использованием разных семантических глаголов, кроме глагола to be [16, с.737]. В практической части нашего исследования отдельное внимание будет уделено презентационным конструкциям, так как на примерах данного типа предложений в романах Ч. Диккенса будет изучена семантика слова «there».

При анализе дейктических конструкций Лакофф выделил большее количество подтипов, а именно 12 субконструкций: центральные, перцептуальные, презентационные, дискурсивные, конструкции, обозначающие существование, начало деятельности, доставку, образец, раздражение, фокус повествования, новое предприятие [16, с. 623]. По его мнению, не всегда возможно четко выделить отнесенность конструкции к тому или иному типу.

Для определения семантики «there», нужно исследовать его свойства в экзистенциальных конструкциях на основе их отличия от дейктических. Экзистенциальные и дейктические конструкции часто могут быть похожи, но существуют определенные характеристики, которые позволяют выявить особенности первого типа, основываясь на его отличиях от второго. Наше внимание сосредоточено на экзистенциальных конструкциях, так как в них семантика существования проявляется ярче. На наш взгляд, имеется

предположение утверждать, что многие из характеристик «there» в экзистенциальных конструкциях диктуются семантикой данного слова.

У «there» в экзистенциальных конструкциях отсутствует указательное значение, направляющее внимание говорящего на какой-либо объект и на его место в пространстве. В то время как «there» в дейктических конструкциях, как отмечал Хаддлстон, обладает настолько сильным локативным значением, что может использоваться в качестве антонима «here» [29, с. 1300]. Оба местоимения могут употребляться в качестве обстоятельства места (*proposed locative complement*), указывающие на определенное положение объекта в пространстве. «Here» и «there» обычно употребляются в предложениях типа «here / there + сказуемое + смысловое подлежащие». В предложениях данного типа они их цель - указать на конкретное местоположение. Однако О. Н. Селиверстова говорила о случаях, когда «there» может терять свое локативное значение и начинает использоваться в качестве стилистического приема. В пример, она приводит фразу: «There was I, fighting for control, and there were you waiting to come close again» [22, с. 625]. Действительно, «there» в данном предложении представляет собой стилистический прием, который позволяет сделать авторское повествование образным. Данное употребление «there» сближает его с экзистенциальными предложениями, но в приведенном предложении на передний план выходит способность «there» к инверсии, а не его экзистенциальное значение, и именно инверсия позволяет создать автору данный стилистический прием.

Второй особенностью «there» в экзистенциальных предложениях является отсутствие перевода на русский язык. Это происходит потому, что оно несет в себе семантику существования, которая не может быть передана на русский язык подходящим словом. «There» в дейктических конструкциях обычно переводится на русский язык такими местоимениями как там, туда. Третьей характеристикой, отличающей «there» в экзистенциальных конструкциях является отсутствие фразового ударения. Подробно данную

характеристику описывает Лакофф, утверждая, что существует лишь один пример в котором «there» попадает под ударение [16, с. 700]. Кроме того, значение играет место экзистенциального «there» в предложении. В отличие от дейктического «there», которое выступает в качестве локализатора и поэтому стоит в конце предложения, экзистенциальное «there» всегда занимает место перед глаголом, даже в тех случаях, когда используются другие семантические глаголы, кроме to be.

Следует так же упомянуть неспособность «there» выступать в качестве независимой лексемы [16, с. 720]. Данную характеристику выделял Д. Лакофф. По его мнению, экзистенциальное «there» напрямую связано с экзистенциальными конструкциями и не может существовать за их пределами.

Необходимо отметить свойства «there», выделенные С. А. Жаботинской на основе его сходства с определенным артиклем [9, с. 55]. Она определяла две характеристики свойственные им обоим. Во-первых, артикль употребляется неразрывно с существительным, в то время как «there» в экзистенциальных предложениях всегда присоединяется к глаголу. В этом, по мнению Жаботинской, заключается способность «there» и the образовывать единство [9, с. 59]. Во-вторых, они оба имеют способность к ограничению, то есть, there проводит «границу бытия», зависящую от речевой ситуации, а the ограничивает «сущность предмета» [9, с. 60]. Таким образом, Жаботинская делает вывод, что «there» есть своего рода «определенный артикль» при бытийном глаголе» [9, с. 60]. Мы согласны с Жаботинской в том, что «there» и the присущи данные характеристики. Однако «there» не всегда точно ограничивает бытие, о котором идет речь, и чаще всего не конкретизирует область существования объекта, поэтому его способность ограничивать уже, чем у определенного артикля.

Изучив характеристики «there» в экзистенциальных конструкциях, можно выделить несколько факторов, указывающих на существование определенной семантики у данного слова. Во-первых, экзистенциальное «there», потеряв свое локативное значение, стало использоваться как вводное

слово, предваряющее появление новой, значимой информации для слушателя. Во вторых, «there» не может выступать в качестве независимой лексической единицы, а значит, его семантика наиболее ярко проявляет себя в экзистенциальных конструкциях. В третьих, на наличие семантики у «there» указывает отсутствие прямого перевода данного слова в экзистенциальных конструкциях на русский язык.

Выводы по I главе:

В теоретической части данного исследования были рассмотрены грамматические и синтаксические характеристики местоимений «it» и «there». Нами были изучены причины появления «it» в безличных конструкциях. Затем были проанализированы классификации исследователей относительно видов «it» в предложении. Местоимение «it» было разделено на 2 типа, согласно тому, какую функцию в предложении оно выполняет – является номинативным, то есть заменяет имя существительное или формальным, то есть используется как структурный элемент. Формальное «it» в свою очередь было разделено на 2 подтипа – безличное и вводное. На основе данной классификации в практической части исследования будут определены функции «it» в предложении, с целью выяснить зависимость перевода от них. Особое внимание было уделено формальному «it», в связи с трудностями, возникающими при его переводе на русский язык.

Что касается части, посвященной местоимению «there», то в ходе изучения теорий, касающиеся определения его синтаксического статуса в предложении, нами были выделены определенные признаки, свойственные высказываниям с данной конструкцией. Затем, основываясь на чертах «there» в экзистенциальных и дейктических конструкциях, было выражено предположение о наличии экзистенциальной семантики у данного слова. Указанный вывод был сделан по причине отсутствия прямого перевода «there» на русский язык в составе экзистенциальной конструкции, а также отсутствия у него указательного значения и другим признакам. Так как в теоретической главе исследования были высказаны предположения о наличии определенной семантики у «there» в экзистенциальной конструкции, то в практической части будет предпринята попытка определить семантику «there», а так же выяснить, теряет ли оно свое значение, попадая в зависимость от различных глаголов, кроме глагола «to be»

Глава II. Комбинаторные свойства формальных «it» и «there».

Практическая часть данного исследования посвящена определению функций вводного «it». На наш взгляд, трудности, с которыми возможно столкнуться при переводе предложений с данным подтипом местоимения, во многом обусловлены ошибочным определением его функции. Необходимо точно определять роль и предназначение местоимения «it» в предложении, так как именно это позволяет добиться точности перевода не только в грамматическом плане, но и семантическом. Так же представляется необходимым определить способы перевода данного местоимения в каждой из выполняемой им функции и проследить частотность употребления вводного «it» в каждой из них. В отношении предложений с местоимением «there» нами также будет проведен анализ частотности, однако здесь важную роль играет не функция, выполняемая им, а комбинаторная сочетаемость данного местоимения с предикатом. Представляется необходимым изучить не только глаголы, употребляющиеся с «there», но и определить, почему некоторые из них чаще используется в качестве предиката в экзистенциальных конструкциях с «there». Кроме того, исследование предикатов поможет определить теряет ли свою семантику «there» или она попадает под влияние глагольного значения, ослабевает, но при этом сохраняется.

2.1 Функции формального «it» в предложении.

В теоретической части исследования нами были названы функции, выполняемые безличным «it», которое в свою очередь является подтипом формального. В практической части исследования представляется необходимым сосредоточиться на вводном «it». Отличие вводного «it» от безличного заключается в невозможности переформулировки предложения. Высказывания с вводным «it» можно трансформировать, убрав местоимение и не изменив при этом семантику предложения. Это может быть доказано измененным порядком слов, например, «It is so natural to me now that I can't

help writing it» [60, с. 429] (Я теперь настолько привыкла называть ее так, что не могу писать иначе)⁶. Проведем трансформацию, исключив местоимение «it»: «That I can't help writing it is so natural to me know». Необходимо заметить, что смысл предложения не изменился, тем не менее, использование «it» в данном случае предпочтительнее, так как слушателю сразу становится понятна тема высказывания. В предложениях с вводным «it» тема переносится на первое место, при помощи инверсии в начальную позицию. Употребление вводного «it» позволяет сделать акцент на важной части высказывания, в данном случае на эмоциях говорящего. Рематическую функцию «it» нагляднее всего можно проследить в сложноподчиненных предложениях с оборотом «it is...that». Например, «It is an echo that is only heard after dark» [60, с. 560] (Это такое эхо, которое слышно только в ночной темноте)⁷.

Следующей функцией вводного «it» является формальная. Будучи обязательным компонентом высказывания, «it» вводит реальное, значимое подлежащее и используется с целью сохранения двусоставности безличного предложения.

Формальное подлежащее «it» не только вводит тему высказывания, а также помогает автору дать оценку происходящего действия или события при использовании таких конструкций, как «it is likely», «it is possible/impossible», «it is strange», «it is necessary» и других. Следовательно, «it» также выполняет и оценочную функцию.

Кроме того, «it» используется с целью упростить предложение для восприятия. Если подлежащее выражено инфинитивом, герундием или придаточным предложением, то «it» ставится в начале предложения, а подлежащее занимает место после сказуемого. Данная трансформация помогает облегчить высказывание для понимания. Например, «But it is easy to say that when you have told me so» [60, с. 131] (Да и немудрено, раз вы сами

⁶ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 430.

⁷ Там же. С. 563.

сказали мне это)⁸. Без формального «it» данное предложение не будет четко структурировано, оно будет запутано и усложнено.

В так называемых «cleft sentences» - определение, предложенное Кверком, «it» выполняет эмфатическую функцию. [34, с. 1566]. В данном типе конструкций «it» подчеркивает факт, о котором пойдет речь. Оно помогает слушателю сосредоточиться на конкретной части предложения, например «It is he who encourages me» [60, с. 613] (Это он сам поощряет меня)⁹. В данном случае местоимение «it» используется с целью ввести главную мысль, которая выражена в придаточном предложении. На наш взгляд, формальность «it» наиболее ярко представлена в данном типе предложений.

На наш взгляд разделение предложений с формальным «it» на конструкции, содержащие безличное и вводное «it» правомерно. Разница между данными типами предложений проявляется не только на синтаксическом уровне, но и на семантическом. Выступая как безличный элемент высказывания «it» помогает обозначить факт неизвестности источника действия, но при этом способствует полноте высказывания – делает его ясным и понятным слушателю. Вводное «it» также выполняет определенные функции в предложении. Во-первых, оно вводит смысловое содержание высказывания, то есть реальное подлежащие. Во-вторых, «it» акцентирует внимание слушателя на реме предложения, то есть выполняет рематическую функцию. В-третьих, конструкции с вводным «it» помогают выразить оценку автора, рациональную или эмоциональную.

В-четвертых, «it» выполняет эмфатическую функцию – помогает слушателю понять, какая информация является наиболее важной в предложении. В-пятых, «it» упрощает фразу для восприятия, делает ее менее громоздкой, но при этом значимой и лаконичной.

⁸ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 136.

⁹ Там же. С. 621.

2.2 Перевод предложений с «it» на русский язык.

Местоимение «it» вызывает наибольшую трудность из всех личных местоимений английского языка при переводе. Русский язык обладает более широким спектром грамматических и синтаксических средств выражения, благодаря этому переводчик не ограничивается одним единственным вариантом. Наличие нескольких способов перевода предложений с формальным «it» прежде всего можно объяснить необязательностью заполнения позиции подлежащего в русском языке. Данный факт имеет важное значение при переводе именно безличных конструкций. Для русского языка характерно обилие безличных и определенно-личных предложений, как в разговорной речи, так в художественных и научных текстах. Полного аналога данных конструкций в английском языке нет. Отличие безличных конструкций русского языка заключается в том, что неизвестность источника действия можно выразить одним глаголом, в то время как в английском языке это передается использованием формального подлежащего.

Рассматривая местоимение «it» с точки зрения актуального членения предложения необходимо отметить, что функция, выполняемая им, задает коммуникативную интенцию высказыванию. «It» в оценочной функции, передает личное восприятие автора в теме высказывания, а в реме заключена та информация, ради которой предложение было создано. Коммуникативная функция «it» в эмфатических конструкциях заключается в выделении обстоятельства или предиката предложения. Выполняя рематическую функцию, «it» относит смысловую часть предложения в конец, с целью сначала дать модальную оценку. Таким образом, в большинстве случаев та информация, которая передана в первой части предложения с «it» выражает отношение автора к описываемому событию или дает общую оценку реме высказывания.

Несмотря на различные вариации перевода одного и того же предложения, точный перевод на русский язык, может быть достигнут только после определения функции «it». Нам представляется необходимым

рассмотреть зависимость перевода предложений с «it» на русский язык и выявить насколько большое значение играет определение функции при переводе.

Номинативное «it» используется в предложениях с целью заменить имя существительное. Стоит отметить, «it» и существительное могут находиться в разных предложениях. Чаще всего местоимение соотносится с существительным не на грамматическом уровне, а на логическом. Оно может замещать не предшествующее имя существительное, а то, которое было употреблено в предыдущем абзаце и выражает главную мысль предложения. В предложении номинативное «it» обычно выступает в функции дополнения и при этом оно имеет фиксированную форму перевода, которая зависит только от вида дополнения - косвенное или прямое. Однако в большинстве случаев местоимение «it» на русский язык переводится тем существительным, которое заменяет, например, «It was money. He chinked it once, and he blew upon it once, and he spat upon it once» [64, с. 35] (Это были деньги. Прежде чем положить монеты в карман, старик звякнул ими, подул на них и поплева)¹⁰ в переводе В. М. Топер использовала личные местоимения «ими» в творительном падеже и «них» в предложном, так как «it» выступает в роли дополнения, а также существительное «деньги», с целью уточнить тот предмет, который заменяет местоимение «it». Слово «монеты» было использовано во избежание тавтологии в предложении. На наш взгляд, перевод местоимения «it» тем существительным, которое оно подразумевает, используется, прежде всего, в предложениях с несколькими «it» для того, чтобы уйти двусмысленности предложения.

Местоимение «it», выполняющее указательную функцию в предложении, обязательно переводится на русский язык при помощи указательных местоимений это, этот, эта и другими. Например, «It is Mr. Tulkinghorn's room» [64, с. 136] (Это комната мистера Талкингхорна)¹¹. Без

¹⁰ Диккенс, Ч. Тяжелые времена / пер. с англ. В. Топер, М. : Гослитиздат, 1960, с. 31

¹¹ Там же. С. 140.

использования местоимения «это» семантика предложения не будет точно передана на русский язык.

Зависимость перевода от функции больше характерна для формального «it», чем для номинативного. Объяснить это можно тем, что первое «it» носит ярко выраженный формальный характер, оно не соотносится с каким-либо определенным объектом. Кроме того, перевод формального «it» во многом зависит от подтипа. Безличное «it», так же как и вводное не может быть переведено местоимением на русский язык. Однозначным является утверждение, что предложения, обозначающие погодные условия переводятся на русский язык безличными глаголами или именами существительным. Например: «It is winter» [50, с. 422] (Зима)¹² или «It is quite dark now» [50, с. 341] (Теперь уже совсем стемнело)¹³. Если глагол после местоимения «it» стоит в форме настоящего, прошедшего или будущего длительного времени, то предложение имеет оттенок длительности действия, например: «It is getting late, and they are not come» [50, с. 502]. Однако при переводе семантика предложения не всегда бывает сохранена: «Уже поздно, а они все еще не приехали»¹⁴, обстоятельственное наречие «уже» указывает на результат действия к данному моменту времени.

Особого внимания требует местоимение «it», выполняющее эмфатическую функцию в предложении. Данная функция характерна для конструкции «it is ...that/when/who». В этом типе предложений, как называл их Р. Кверк «cleft sentences», местоимение «it» помогает сделать акцент на выбранном члене предложения [34. с. 320]. Это может быть подлежащие, дополнение, обстоятельство места или времени. Вместе с тем, в данной конструкции не может быть сделан акцент на сказуемое. Необходимо отметить, что «it» используется с целью выразить эмфазу только в сочетании с местоимением или существительным – «It is a cause that could not exist out of this free and great country» [57, с. 788] (Это такая тяжба, какой не может быть нигде, кроме

¹² Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна, с. 395.

¹³ Там же. С. 322.

¹⁴ Там же. С. 498.

как в нашем свободном и великом отечестве)¹⁵. Если после «it» с глаголом to be стоит прилагательное, а после идет слово «that», то местоимение выполняет формальную функцию, а не эмфатическую.

Ввиду отсутствия данного вида эмфатической конструкции в русском языке переводчик прибегает к лексическим средствам при переводе с целью точнее передать эмфазу. Выделение какого-либо члена предложения происходит при помощи слов с усилительным значением, таких как «только», «вот», «именно», «еще», «уже», «только», «как раз». Выбор нужно слова зависит от контекста. Если в предложении необходимо сделать эмфазу обстоятельства места, то после «it» и глагола to be в соответствующей форме употребляется сочетание «not until» или «not till». Стоит отметить, что в данном типе выделительной конструкции предложения переводятся на русский язык в утвердительной форме, например, «It was not until now that the upper half of the man came back into the boat» [64, с. 35] - «Только теперь старик разогнулся и сел в лодке по-прежнему»¹⁶. При переводе на русский язык в предложении будут использоваться словосочетания с указательным оттенком: «только тогда», «только после», не смотря на отрицательную форму, используемую в английском языке. В то же время утвердительная эмфатическая конструкция с местоимением «it» может быть переведена на русский язык с использованием отрицательных местоимений, таких как «никто», «ничто», «ничего» и других. Однако встречаются и случаи употребления усилительного слова уже в исходном примере в английском языке: «It is so very difficult to keep her from the door» [57, с. 201]. Следует отметить, что в переводе М. Клягиной-Кондратьевой перевод данного предложения отсутствует.

При переводе местоимения «it», выполняющего эмфатическую или рематическую функцию могут быть применены не только лексические средства перевода, но и синтаксические. При использовании грамматических

¹⁵ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 755.

¹⁶ Диккенс Ч. Тяжелые времена / пер. с англ. В. Топер, с. 33.

средств выделение значимого члена предложения достигается при помощи измененного порядка слов. Та часть речи, на которой необходимо сделать акцент, в русском языке выносится в начало или в конец предложения. Что касается «it», выполняющего оценочную функцию в предложении, то перевод на русский язык зависит от оценки, заданной автором. Говорящий использует данный тип конструкций с целью выразить сомнение или вероятность, с предикатами *likely/possible* и другими, выразить необходимость совершения какого-либо действия (*necessary*). Кроме того, «it» в оценочной функции используется с целью дать собственно оценку действию – рациональную (*important, evident, clear*) или эмоциональную (*pleasant, delightful*).

Целый ряд сочетаний, например «*it seems*», «*it's known*» предпочтительнее переводить на русский язык неопределенно-личными оборотами – «кажется», «известно». При этом при переводе на русский могут быть добавлены слова, подчеркивающие, что факт, о котором идет речь, является общепринятым и известным для окружающих при помощи таких слов как «очевидно», «как известно», «очень важно».

В большинстве случаев оценочную функцию выполняет местоимение «it» в сочетании с прилагательным и *for / to infinitive*. Перевод данного типа предложений на русский язык может зависеть от придаточного предложения. На русский язык высказывание с *for / to infinitive* может быть переведено придаточным предложением: «*It was necessary for me to inform you that I knew it*» [57, с. 822] (Мне нужно было дать вам понять, что я ее знаю)¹⁷, инфинитивом – «*It was not for me to muse over by-gones*» [57, с. 126] (Не мне копаться в прошлом)¹⁸ или существительным – «*It became necessary for me to think of returning*» [57, с. 827] (Мне пора уже было подумать о возвращении домой)¹⁹. Кроме того, некоторые конструкции с «it» + *for / to infinitive* обладают устойчивым переводом. Например, «*it takes me / her + to infinitive*»

¹⁷ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 840.

¹⁸ Там же. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 827.

на русский язык переводится выражением «мне требуется», «у меня занимает».

Пассивные конструкции с местоимением «it» на русский язык переводятся безличными оборотами. Объяснить это можно тем, что безличная форма глагола в русском языке точно демонстрирует тот факт, что действие совершается неизвестным источником. При этом, за рядом пассивных конструкций с использованием «it» закрепились устойчивые формы перевода, например «It is known» – «Известно», «It is believed» – «Полагают, что...», «It is reported» – «Сообщают, что».

Методом сплошной выборки из 16 романов Ч. Диккенса было отобрано 12 566 примеров предложений с формальным «it». Нами было установлено, что в 23% «it» является формальным подлежащим, в то время как 100% это все случаи употребления местоимения «it» в тексте – 55 605 примеров. При этом среди 7539 примеров, примерно 60% составляют случаи употребления местоимения «it» в формальной функции. Объяснить данную распространенность можно тем, что указанная функция тесно связана с причинами появления местоимения «it» в безличных предложениях. Кроме того, «it», выполняющее формальную функцию не требует при себе строго фиксированной грамматической структуры, как, например, «it» в «cleft sentences». «It» в эмфатической и рематической функциях встретилось в текстах примерно в 13% случаев (1634 раза), а с целью дать авторскую оценку «it» было использовано 3393 раза. Нами было замечено, что в романах Ч. Диккенса преобладает сочетание «it» с предикатами, дающими рациональную оценку, например, обозначающими необходимость (803 раза) или вероятность (603 раза). В предложениях, выражающих эмоциональную оценку, чаще всего были использованы следующие предикаты: difficult (263 раза), pleasant (164 раза), delightful (87 раз).

В результате мы пришли к выводу, что предложения с формальным местоимением «it» широко используются в художественной речи. Они употребляются для выражения рациональной или эмоциональной оценки

автора, а так же для акцентирования внимания слушателя на конкретном объекте в предложении. Анализ частотности использования вводного «it» показал, что в тексте оно употребляется во всех перечисленных функциях. Данный факт подтверждает актуальность исследования зависимости перевода высказываний с местоимением «it» от функции, выполняемой в предложении. При этом данная зависимость ярче прослеживается в предложениях с «it» в качестве формального подлежащего, так как номинативное «it» в большинстве случаев можно правильно перевести, исходя из контекста.

2.3 Анализ комбинаторных свойств вводного «there».

Многими исследователями, а именно О. Есперсеном, С. Е. Кузьминой, Л. МакНэлли было отмечено, что предложения с «there» обладают экзистенциальной семантикой [8; 15; 33]. На наш взгляд, имеются основания утверждать, что данная семантика присуща предложениям вследствие употребления «there», потерявшего указательное значение. В сочетании с глаголом to be экзистенциальная семантика проявляется наиболее ярко. Причина заключается в том, что сам по себе данный глагол обозначает существование, бытие и наличие какого-либо объекта в пространстве. Однако семантика «there» сохраняется и при употреблении с другими глаголами. В зависимости от своего смыслового значения, они оказывают влияние на «there». В данном параграфе будет изучена сочетаемость «there» с глаголами и будут выявлены семантические оттенки, приобретаемые им в результате этой сочетаемости. Кроме того, будут рассмотрены проблемы перевода предложений с «there» на русский язык.

В большинстве случаев «there» употребляется с глаголами, которые, так или иначе, близки по своему значению к глаголу to be. Исходя из деления глаголов по признакам, можно утверждать, что в основном «there» сочетается с непереходными глаголами. При использовании непереходных глаголов употребление дополнения не является обязательным, так как и без него,

предложение является законченным и полным смысла. Так же при сочетании «there» + непереходный глагол, предложения стоят в действительном залоге, например, «Then there entered two or three more Serjeants» [50, с. 367] (Затем вошли еще два-три королевских юрисконсульта)²⁰. Кроме того, встречаются случаи употребления «there» с переходными глаголами. Данные сочетания возможны, только если глагол стоит в страдательном залоге.

Для английского языка наиболее типичным является сочетание «there» + to be, потому что, во-первых, данный глагол является непереходным, во-вторых, он обозначает существование объекта, как в общем смысле, так и в конкретной ситуации. В предложениях с оборотом «there is / are» глагол может стоять в настоящем, прошедшем времени, перфекте. Ограничений в выборе временной формы глагола to be в сочетании с «there», как правило, нет, однако, чаще всего в данном типе предложений употребляется простое настоящее или прошедшее время. Кроме данного глагола позицию сказуемого в предложении с «there» так же может занимать словосочетание с переходным или непереходным глаголом. Вслед за предикатом в данном типе предложений может стоять существительное, субстантивированное местоимение или словосочетание, которое согласуется со сказуемым, стоящим перед ним. В этом заключается главное отличие предложений с «there» от предложений с формальным «it». Многие исследователи рассматривают их параллельно, однако, необходимо отметить, что в случае с «it», сказуемое предложения согласуется с формальным словом, в то время как в предложениях с «there» предикат согласуется с реальным подлежащим.

В оборотах «there is / are» грамматическое число глагола ставиться по первому из последующих существительных. Так же в сочетании «there» + to be может быть включены модальные глаголы must, should, can и другие. «What a sympathy there must be between us» [60, с. 899] (Как у нас с вами сходятся мысли)²¹ в данной фразе глагол must в сочетании с «there»

²⁰ Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна, с. 380.

²¹ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной- Кондратьевой, с. 910.

обозначает необходимость существования какого-либо объекта. Значение долженствования появляется из-за предиката, а на бытие объекта указывает «there». Более того, в данном предложении «there» создает инверсию, при помощи которой в художественном тексте делается акцент на последнее слово в предложении.

Все глаголы, употребляющиеся с «there» можно разделить на три группы. К первой относятся так называемые «экзистенциальные» глаголы, то есть глаголы, обозначающие формы существования или положение в пространстве. Вторая группа состоит из глаголов события, указывающих на появление какого-либо объекта в поле зрения. Третью группу составляют глаголы движения, которые подразумевают конкретное местоположение объекта в пространстве.

«Экзистенциальные» глаголы обладают наибольшей семантикой существования из всех трех типов. Они обозначают наличие предмета, как в физическом, так и нефизическом пространстве. К данной группе можно отнести такие глаголы, как *exist, live, remain, linger, sit, lie*. Из всех перечисленных глаголов *exist* наиболее схож с *to be* по своему значению, они могут так же употребляться в качестве заменителей друг друга. Хаддлстон проводил трансформацию предложений с «there is / are» на «there» + *exist*, подчеркивая, что семантика «there» проявляется только в сочетании с этими двумя глаголами [29, с. 170]. Согласиться с исследователем не представляется возможным, так как и с другими семантическими глаголами, функция «there» заключается в том, чтобы ввести информацию о существовании предмета, в то время как глагол дает определенные характеристики того, каким образом данный объект располагается в пространстве. При этом глагол *exist* в наиболее общем смысле обозначает существование объекта не только в конкретной ситуации, но и в мире вообще. В отличие от *exist*, другие глаголы данной группы точнее характеризуют способ расположения объекта. Например, «...I have before spoken, there lies buried a man who was in my employment for three years after

this event» [72, с. 441] (...в том уголке кладбища, о котором я упоминал выше, похоронен человек, служивший у меня в течение трех лет после этих событий)²² или «...there stood the house with which we have to deal»[59, с. 145] (...стоял дом, в который нам не раз придется заглядывать)²³. В первом предложении глагол lie дает характеристику положения объекта, в то время как «there» используется с целью ввести информацию о существовании данного объекта в принципе. Во втором примере, глагол to stand обозначает наличие предмета, в конкретном случае дома в пространстве. В предложении данного типа использование «there» предпочтительнее, так как оно облегчает высказывание для восприятия и относит его значимую часть в конец. Кроме того, во втором примере экзистенциальное «there» сближается в своем значении с дейктическим, так как в какой-то мере оно указывает на место объекта. Тем не менее, для дейктического «there» характерна точная конкретизация местоположения, а в данном примере она отсутствует.

В сочетании с глаголом to remain «there» так же обладает семантикой и при этом данные предложения обозначают продолжительность наличия объекта. Например, «There still remained upon the scene of the late disturbance, one man» [59, с. 655] (На месте происшествия остался один человек)²⁴. В данном предложении «there» указывает на бытие объекта, на его пребывание в конкретной ситуации, в то время как глагол to remain задает дополнительные характеристики пребывания объекта, а именно подразумевает продолжительность данного действия.

Самым частотным сочетанием в группе «there» + глагол с экзистенциальным значением, является сочетание «there» + seem + to infinitive. В романах Ч. Диккенса данное сочетание «there» + seem используется чаще всего, не считая сочетания «there + to be»: «...there seemed to be nothing but our two troubled minds that was not at peace.» [57, с. 103]

²² Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна, с. 430.

²³ Диккенс Ч. Барнеби Радж / пер. с англ. М. Абкиной, М. : Гослитиздат, 1958, с. 140.

²⁴ Там же. С. 650.

(...одни лишь наши смятенные души не знали покоя)²⁵ или «There seemed to be some other separation between us besides that»[57, с. 122] (Нас, казалось мне, разделяло что-то еще)²⁶. Из примеров видно, что «there» приобретает оттенки значения глагола seem, а именно значение вероятности, но при этом, именно слово there указывает на существование данной вероятности. Предложения с данными сочетаниями могут обозначать как бытие объекта в физическом, так и не физическом пространстве. При этом, обозначая существование объекта в конкретном месте, there сохраняет свое экзистенциальное значение, и семантически не будет сближаться с «there», обладающим локальным, указательным значением. Кроме того, в сочетаниях с глаголом seem «there» помогает уклониться от конкретизации места, в котором находится объект, например, «There seemed to be something very comical in the reputation of Mr. Brooks of Sheffield» [61, с.388] (Было что-то очень забавное в этом мистере Бруксе из Шеффилда)²⁷. В данном предложении неопределенность достигается при помощи местоимения «something», однако «there» из-за своего крайне абстрактного значения позволяет усилить её. В этом заключается одно из важных свойств формального «there». В то время как дейктическое «there» привносит ясность в предложение, указывая на местоположение, «there» экзистенциальное наоборот добавляет неясности и позволяет уйти от акцентирования пространства.

Распространенным также является сочетание «there» + live. В большинстве случаев в предложениях данного типа речь идет о конкретном месте. Для указанного сочетания не характерно употребление абстрактного существительного, однако, ему свойственно акцентирование места действия посредством обстоятельства, например, «Many years ago, there lived at Cambridge a miserly old couple of the name of Jardine»(Много лет назад в Кембридже жили скупые старики, по фамилии Джардайн). В предложениях

²⁵ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 100.

²⁶ Там же. С. 140.

²⁷ Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим / пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна, М. : Гослитиздат, 1959, с. 360.

данного типа «there» на первый взгляд близко по своей функции к дейктическому типу, однако, отсутствие явного локативного значения, доказывает, что данная конструкция является экзистенциальной.

Сочетание «there» + глагол to linger употребляется в большинстве случаев с существительными, обозначающими абстрактные понятия. Например, «There lingered in my breast, sensibilities, affections, weaknesses» [57, с. 91] (В груди моей дремлют чувства, стремления, слабости)²⁸ или «In his breast there lingered a resentful shame» [57, с. 160] (Его снедало тайное чувство негодования и стыда)²⁹. Обстоятельства места in his / my breast имеют переносный, а не буквальный смысл, поэтому в данном предложении употребляется «there». Сочетание «there» + linger может употребляться и с конкретными существительными, при этом предложение будет обозначать существование предмета в реальном пространстве. Например, «In the galleries themselves, and more especially on the stair-cases, there lingered a great number of people, who came there» [57, с. 700] (В галереях, и в особенности по лестницам, слонялось множество людей, которые пришли сюда)³⁰. Данный пример является яркой демонстрацией употребления двух типов «there» в одном предложении. Первое «there» в сочетании с семантическим глаголом не обладает указательным значением и, что крайне важно, не может быть переведено на русский язык. Оно используется с целью обозначить факт существования или наличия предмета, в данном случае людей, в определенной ситуации. Глагол linger несет добавочную характеристику, указывая на приостановку или затягивание действия. Второе «there» обладает явным указательным значением, стоит после глагола, а не перед ним и может быть переведено на русский язык. Дейктическое «there» используется тогда, когда речь идет о конкретном пространстве, в то время как «there», обладающие экзистенциальной семантикой, используется для обозначения существования объекта в метафизическом пространстве.

²⁸ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 89.

²⁹ Там же. С. 160.

³⁰ Там же. С. 690.

С трудом поддаётся определению семантика «there» в сочетании с глаголом lie. Рассмотрим предложение «There lies on his desk at this present moment, ready for transmission to you, a letter» [59, с. 290]. В конкретном примере можно говорить о присутствии у «there» указательного оттенка, несмотря на то, конкретизация места проходит при помощи обстоятельства. Локативность «there» можно доказать, заменив местоимение на «here». Однако, в переводе М. Е. Абкиной на русский язык: «Письмо и сейчас лежит у него на письменном столе, готовое к отправке»³¹, отсутствует перевод местоимения. На наш взгляд, переводчик мог бы добавить местоимение «там» с целью уточнения. Таким образом, несмотря на схожесть данного сочетания с экзистенциальной конструкцией, оно все-таки является дейктическим.

Во вторую группу глаголов, употребляющихся с «there» входят глаголы, обозначающие появление объекта. Прежде всего, это глагол appear. В данной группе, он, как и seem в предыдущей, является наиболее распространенным. На наш взгляд, существует некая причина, по которой сочетание «there» с seem и appear употребляется гораздо чаще, чем с другими семантическими глаголами. Это можно объяснить тем, что данные предложения в большинстве случаев носят характер вероятности или сомнения, а «there», обладая расплывчатым значением, усиливает их семантику. Глагол to appear уже сам по себе обозначает появление какого-либо объекта, однако «there» в данных случаях, необходимо не для того, чтобы указать место, где появился объект, а подчеркнуть именно процесс его появления или последовательность действий, в результате которых оно произошло. Например: «...in the cheerful faces of the brothers there appeared an expression, not of absolute melancholy, but of quiet thoughtfulness» [68, с. 400] (На веселых лицах братьев появилось выражение если и не меланхолическое, то серьезное и задумчивое)³² to appear обозначает появление объекта, в то

³¹ Диккенс Ч. Барнеби Радж / пер. с англ. М. Абкиной, с. 280.

³² Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никлби / пер. с англ. Н. Волжиной, Н. Дарузес, с. 405.

время как «there» указывает на наличие определенной эмоции на лицах братьев. «There» в предложениях, обозначающих последовательность действий, употребляется с такими глаголами, как appear, ensue, follow например, «There appeared to be another shaking of hands in consequence» [72, с. 100] (В приемной, видимо, последовал новый обмен рукопожатиями)³³. Семантика, указывающая на последовательность, выражается не словом there, а глаголом и последующим дополнением и обстоятельством. В предложениях, обозначающих появление объекта и употребляющихся с «there», используются также loom, emerge, arise, rose up, lurk. В сочетании с каждым из них значение «there» становится еще более трудноопределимо, так как оно испытывает значительное влияние семантики глагола.

К третьей группе глаголов, употребляющихся с «there» относятся глаголы движения, например, arrive, come, stand, creep, enter, approach, walk, run и другие. Глаголы данных групп обычно обозначают выполнение какого-либо действия. В сочетаниях с ними «there» приобретает указательный оттенок, например, «We wouldn't mind then, when there comes stormy weather» [72, с. 89] (Тогда мы не боялись бурной погоды)³⁴. Однако данное «there» не является дейктическим, так как оно безударно и не может быть переведено на русский язык. В приведенном примере оно не указывает на конкретную точку в пространстве, где находится или существует объект, однако оно подразумевает наличие данного пространства. При комбинации «there» с глаголами, указанных двух групп предложения также могут обозначать появление какого-либо объекта. Например, «...when the door opened and there entered in haste – not Bray and his daughter, but Nicholas and his sister Kate» [68, с. 600] (...вдруг дверь открылась, и быстро вошли – не Брэй и его дочь, а Николас и его сестра Кэт)³⁵. Следовательно, глаголы движения, которые относятся к третьей группе, могут быть схожи по своей семантике с глаголами второй группы.

³³ Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна, с. 99.

³⁴ Там же. С. 90.

³⁵ Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никлби / пер. с англ. Н. Волжиной, Н. Дарузес, с. 589.

Таким образом, глаголы, сочетающиеся с «there» составляют три группы. Необходимо отметить, что четкой границы при отнесении глаголов к той или иной группе нет. В сочетании с любыми из них «there» будет сохранять семантику существования, однако она будет значительно ослабевать из-за влияния глагола или приобретет дополнительные семантические оттенки.

Глаголы, употребляющиеся с «there», в большинстве случаев обладают процессуальными признаками, обязывающими наличие описания пространства, в котором находится объект. Глаголы, обозначающие мыслительную деятельность, эмоциональные состояния, а также глаголы говорения почти не употребляются в сочетании с «there». Однако в романе Ч. Диккенса «Наш общий друг» нами был найден следующий пример: «There spake the voice of wisdom, said Eugene» [67, с. 790]. Spake в этом случае является устаревшей формой прошедшего времени глагола speak. Данная форма используется в тексте с целью добавить возвышенности в речь героя. На русский язык приведенное предложение переводится с поэтическим уклоном: «Сама мудрость глаголет твоими устами»³⁶. Устаревшая форма spake передана нераспространенной в современном русском языке формой «глаголеть». Если в английском варианте «there» позволяет уйти от обозначения лица, которым совершается действие, то в русском языке данное предложение не может быть переведено абсолютно правильно с точки зрения семантики. Тем не менее, данный пример доказывает, что в английском встречаются случаи употребления глагола говорения speak в сочетании с «there» и при этом конкретизация пространства или времени в предложении не обязательна.

В английском языке предложения с «there» являются безличными и бытийными, но при переводе на русский язык не всегда возможно сохранить бытийную конструкцию данных предложений. Теоретически почти каждое предложение с экзистенциальным «there» можно перевести на русский язык, сохранив структуру, однако, при данном способе перевода предложения

³⁶ Диккенс Ч. Наш общий друг / пер. с англ. Н. Волжиной, Н. Дарузес, с. 787.

характеризуются ненатуральностью для речи и будут восприняты людьми с трудом.

Причин, по которым «there» не всегда может быть переведено на русский язык в качестве безличной модели несколько. Во-первых, экзистенциальные предложения в обоих языках, обозначая наличие предмета в пространстве, имеют дополнительные признаки. Прежде всего, это процессуальные признаки глагола, которые не всегда совпадают в английском и русском языке.

Во-вторых, организация текста не всегда позволяет перевести предложение в соответствии с его исходной формой и структурой. Например, «There appeared something so very candid, so scrupulously honourable, so very truthful and just in this course» [59, с. 479] (Так искренне звучали его слова, столько безупречного благородства и прямоты было в них)³⁷. В данном предложении М. Е. Абкина при переводе сохранила прием градации, однако, не стала употреблять усилительные частицы несколько раз для его построения. Возможно, это было сделано с целью упростить предложение для восприятия, не изменив при этом его семантику. Такие трансформации встречаются довольно часто при переводе, поэтому данная проблема относится не только к переводу экзистенциальных предложений с «there» и является одной из основных проблем переводоведения.

В-третьих, английский и русский это языки разного строя. Следовательно, перевод часто обусловлен значительной разницей в лексическом составе языков и разницей используемых грамматических категорий. Например, в тех предложениях, где после «there» is / are стоит существительное, для русского языка характерен перевод с использованием глагола, которого в оригинальном предложении нет. По данному принципу переводятся следующие фразы: «...he waited until there was a profound silence» [59, с. 125] (...он стоял молча, пока не наступила тишина)³⁸ или «Yet

³⁷ Диккенс Ч. Барнеби Радж / пер. с англ. М. Абкиной, с. 450.

³⁸ Там же. С. 120.

there was a vague remembrance in his mind...» [57, с. 302] (И вместе с тем она вызывала в нем какое-то смутное воспоминание...)»³⁹. В английском языке событийный характер предложения может быть передан существительным, в то время как в русском предпочтительнее использовать глагол, для того, чтобы обозначить процесс действия.

В-четвертых, в каждом языке существуют стандартные формы описания событий и ситуаций, которые не позволяют перевести предложение в соответствии с его оригинальной конструкцией. Например, предложение «There you have me. Doctor Marigold» [73, с. 3] не может быть переведено на русский язык с использованием посессивного глагола «иметь». В переводе И. В. Гуровой этому предложению соответствует следующая форма «И вот я перед вами, честь имею представиться - Доктор Мериголд»⁴⁰. В переводе Е. М. Чистяковой-Вэр «Предписания Доктора Мериголда» данное предложение вообще убрано из повествования.

Таким образом, изучив проблемы адекватного перевода экзистенциальных конструкций, содержащих «there», необходимо отметить, что главной причиной, по которой данный тип предложений имеет разнообразные средства перевода на русский, является разница в восприятии мира людей разных культур. По нашему мнению именно данная разница обуславливает проблемы перевода, так как проявляется в расхождении лексического, грамматического состава языков, в особенностях описания одного и того же события носителями английского и русского языка.

³⁹ Диккенс Ч. Холодный дом / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой, с. 299.

⁴⁰ Диккенс Ч. Рецепты Доктора Мериголда / пер. с англ. И. Гуровой, М. : Гослитиздат, 1962, с. 4.

Выводы по II главе:

В практической части исследования, посвященной местоимению «it», особое внимание было уделено способам перевода данного местоимения, выступающего как формальное подлежащее. Установлено, что функция во многом обуславливает корректность перевода и в большей степени это актуально для вводного «it». В результате анализа перевода предложений в начальной позиции которых стоит местоимение «it» мы определили наиболее подходящие и стандартные способы перевода. Вследствие статистического анализа было установлено, что местоимение «it» выступает в номинативной функции в 77% случаев. В качестве формального элемента оно используется в 23%, при этом, «it» в формальной функции превалирует (60% случаев употребления). На втором месте по распространенности стоит «it» в оценочной функции (47%), а на третьем «it» в рематической и эмфатической функциях (13%).

Практическая часть исследования посвящена семантике «there», его комбинаторной сочетаемости и переводу на русский язык. В семантическом плане было установлено, что при комбинации с глаголами «there» испытывает сильное влияние их значений. Кроме того, анализ семантической нагрузки «there» показал, что признаки, приписываемые данному элементу, в большинстве случаев являются производными от семантики самого бытийного предложения. Несмотря на то, что дополнительные оттенки значения приписываются «there» только по причине употребления с глаголами, оно все-таки обладает абстрактной семантикой, которая, однако, с трудом поддается определению. В отношении комбинаторной сочетаемости «there + verb» мы провели разграничение глаголов на 3 типа. Нами было установлено, что с «there» в экзистенциальной конструкции должен присутствовать глагол, обладающий процессуальными признаками, которые так или иначе требуют описание пространства, в котором находится объект. Так же было определено, что с «there» в качестве предиката преобладают экзистенциальные глаголы. В завершении анализа мы приводим таблицу

глаголов, используемых с «there» и их количественную сочетаемость (см. прилож.1). В отношении перевода экзистенциальных конструкций на русский язык нами были названы проблемы, не всегда позволяющие перевести английское предложение на русский в соответствии с его бытийной структурой. Однако, несмотря на разницу в лексическом и грамматическом составе языков, многообразие способов перевода экзистенциальных конструкций на русский язык позволяет добиться смысловой и семантической точности высказывания.

Заключение

Местоимения «it» и «there» выступают в качестве формального элемента в предложении. Они выполняют схожие функции: предваряют появление новой или значимой информации в предложении, занимают пустующую позицию подлежащего, которая обязательно должна быть заполнена в связи с устойчивым порядком слов в английском языке. Несмотря на схожесть ролей, выполняемых «it» и «there» в предложении, у каждого из них имеются свои особенности, проявляющиеся в семантике, функционировании в предложении и переводе на русский язык.

В результате аннотирования английского языка местоимение «it» стало использоваться не только в номинативной функции в безличных предложениях, но и как формальный элемент в высказываниях, дающих авторскую оценку. В данной работе было проведено разделение «it» на 2 подтипа: номинативное и формальное. Для обоих подтипов свойственно отсутствие семантики, однако каждый из них выполняет свои функции в предложении. Набор функций у вводного «it» гораздо шире, чем у безличного, по нашему мнению, это обусловлено его сочетанием с инфинитивными оборотами. Безличное «it» обозначает тот факт, что действие было совершено лицом, не принимающим участия в коммуникации – в этом заключается его основанная роль в предложении. У вводного «it» отмечаются следующие функции: формальная – вводит ремю высказывания, оценочная – дает авторскую оценку, эмфатическая – делает акцент на нужной части высказывания. Используя метод сплошной выборки, с целью установить частотность использования «it» в той или иной функции, нами было выявлено, что в 23% из 100% в 16 романах Ч. Диккенса употребляется формальное «it». При этом, из указанных 23% больше чем в половине случаев «it» выполняет формальную функцию. Объясняется данная распространенность тем, что указанная функция наиболее близка к причинам появления «it» в безличных предложениях и не потеряла свою актуальность до сих пор. На втором месте по частотности употребления используется «it»,

с целью дать рациональную или эмоциональную оценку автора, а третье место занимает «it», выполняющее эмфатическую и рематическую функции.

Так как в русском языке отсутствует такая грамматическая структура как «формальное» подлежащее, переводчик вынужден использовать различные способы перевода, при этом в каждом случае употребление «it» имеет свои особенности. Широкий спектр безличных глаголов в русском языке и распространенность неопределенно-личных предложений объясняет наличие устоявшихся способов перевода для высказываний с безличным «it». Однако стандартные способы перевода характерны в большинстве случаев для пассивных конструкций и безличного «it». При переводе «it» в оценочной, эмфатической или рематической функции многое зависит от придаточного предложения. Кроме того, в зависимости от вида придаточного автор может использовать различные грамматические средства перевода. Функция, выполняемая «it», определяет коммуникативную интенцию высказывания. В зависимости от нее в предложении будет сделан акцент на оценку автора, на обстоятельство или предикат, использованные в предложении. Таким образом, определение функции местоимения «it» при переводе на русский язык позволяет переводчику не только перевести предложение правильно с точки зрения его структуры и логики, но и позволяет добиться точности в семантическом плане.

Также как и «it» местоимение «there» примерно до XI века использовалось в качестве обстоятельства места, однако, в последующие два столетия его функции трансформировались, и оно стало использоваться как формальный элемент в предложении. Особое место в изучении формального «there» занимает проблема определения его синтаксического статуса. Данный вопрос был не раз рассмотрен как зарубежными, так и отечественными исследователями, при этом условно их мнения мы разделили на две группы. Первую составили те, кто считает, что «there» является главным членом предложения – то есть подлежащим, а во вторую вошли лингвисты, полагавшие, что «there» это чисто структурный асемантический элемент.

Нами было отмечено, что в некоторых теориях существуют противоречивые положения, которые указывают на трудности в определении синтаксического статуса «there». При этом было установлено, что большинство исследователей говорили о существовании у «there» экзистенциальной семантики.

Местоимение «there» употребляется в экзистенциальных и дейктических конструкциях. В первом типе конструкций обычно подтверждается или отрицается существование, бытие какого-либо объекта в конкретном или абстрактном пространстве. Цель «there» в данном типе конструкций – дать идее существования предмета конкретное, синтаксическое выражение. Для «there» в дейктических конструкциях характерно наличие указательного значения, а так же перевода на русский язык. Нами было отмечено, что «there» в экзистенциальных конструкциях употребляется в сочетании с различными предикатами и используется не только в обороте «there» is / are.

В результате анализа комбинаторной сочетаемости «there» + глагол мы пришли к выводу, что в предложении с «there» могут употребляться как переходные, так и непереходные глаголы, но для большинства из них обязательно наличие процессуальных признаков, указывающих на пространство, в котором существует объект. С «there» могут использоваться экзистенциальные глаголы, глаголы события и движения. В плане частотности преобладает использование экзистенциальных глаголов, однако, глаголы движения широко разнообразны. При этом независимо от использованного предиката данное местоимение привносит в предложение значение существования какого-либо объекта. Однако из-за своего крайне абстрактного значения и по причине влияния глаголов, семантика «there» не всегда поддается определению.

В отношении перевода экзистенциальных конструкций с «there» на русский язык нами были выявлены проблемы, не всегда позволяющие в точности передать семантику данного местоимения на русский. Несовпадение процессуальных признаков глагола, разница в лексическом

составе и разница грамматических категорий русского и английского языка не всегда позволяет выполнить перевод в соответствии с бытийной конструкцией предложения. Однако, несмотря на данные лингвистические факторы, проявляющиеся, по нашему мнению, в результате разницы в восприятии мира людьми разных культур, многообразие способов перевода экзистенциальных конструкций на русский язык в большинстве случаев позволяет добиться смысловой и семантической точности высказывания.

В качестве перспективы будущих исследований можно предложить дальнейшее изучение сочетаемости «it» и «there», а именно глагольной сочетаемости, например, определить частотность употребления предиката в том или ином залоге.

Список литературы

1. Анохина, С. П. Бытийные и поссессивные предложения в германских языках (структурно-семантический и функционально-прагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / С. П. Анохина. – СПб. : ПВГУС, 1995. – 44 с.
2. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Высшая школа, 1966. – 200 с.
3. Березина, О. А. Классификация моделей глагольного безличного предложения в современном английском языке / О. А. Березина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2014. – №2 – С. 133-140.
4. Берловская, В. Д. Предложения со служебным there в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В. Д. Берловская. – Л. : ЛГУ, 1967. – 18 с.
5. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, В. Г. Гак. – СПб. : Наука, 1996. — 229 с.
6. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка : учебник для студ. филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1983. – 383 с.
7. Ванько, Т. Р. Гендерный аспект функционирования модально-оценочных единиц в авторской речи (на материале англоязычной художественной прозы) / Т. Р. Ванько. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 606. – С. 83-93.

8. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен ; под ред. Б. А. Ильиша; пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой – М. : Издательство иностранной литературы. – 2006. – 400 с.
9. Жаботинская, С. А. Структура There + to be: лингвокогнитивный аспект / С. А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Казаріна. – 2004. – № 635. – С. 53–60.
10. Зарецкий, Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) / Е. В. Зарецкий. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский ун-т», 2008. – 564 с.
11. Каушанская, В. Л. Грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. пед. вузов / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожевникова, Е. В. Прокофьева и др. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Айрис-пресс, 2009. – 384 с.
12. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. пособие / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М. : Высшая школа, 2007. – 368 с.
13. Кобрина, Н. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис : учеб. пособие / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. М. Оссовская, К. А. Гузеева. – 2-изд., – СПб. : Союз, 1999. – 496 с.
14. Кошечкина, И. Г. Теоретическая грамматика английского языка : учебник для студ. вузов / И. Г. Кошечкина – М. : Академия, 2012. – 318 с.
15. Кузьмина, С. Е. Концептуальное содержание структурной схемы «There P Simple Verbal S A Place» в английском языке / С. Е. Кузьмина // Альманах современной науки и образования, 2009. – №11. – С. 154-156.
16. Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении? / Д. Лакофф; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

- 17.Лейкина, А. С. Предваряюще-выделительные конструкции в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Лейкина. – М. : МПГУ им. Ленина, 1992. – 212 с.
- 18.Лийв, С. С. Формальное it как способ нейтрализации субъектных и объектных связей предиката: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Лийв. – Л. : ЛГУ, 1983. – 16 с.
- 19.Образцова, Е. М. Линейная организация высказывания как межъязыковая универсалия (на материале английского, русского и украинского языков): монография / Е. М. Образцова. – Одесса : Фенікс, 2010. – 400 с.
- 20.Пюро, Л. П. Безличные предложения, обозначающие явления природы и состояние человека, в английском языке (на материале текстов VIII - XVII вв): дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Пюро. – СПб. : РГПУ им. Герцена, 2013. – 186 с.
- 21.Сатимов, Г. Х. Безличные и неопределенно-личные предложения в современном английском языке (в сопоставлении с узбекским языком): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Х. Сатимов. – М. : МГПУ им. Ленина, 1977. – 16 с.
- 22.Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки Славянской культуры, 2004. – 960 с.
- 23.Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий ; под ред. В. В. Пассека, – 2 изд., испр. – М. : Либроком, 2009. – 284 с.
- 24.Шевякова, В. Е. Современный английский язык (Порядок слов, актуальное членение, интонация) / В. Е. Шевякова. – М. : Наука, 1980. – 381 с.
25. Bolinger, D. L. Ambient «it» is meaningful too / D. L. Bolinger. // Journal of Linguistics. – 1973. – Vol. 9. – P. 261-270.
- 26.Existence: Semantics and Syntax / I. Comorovski, K. von Heusinger. – Berlin : Springer Science & Business Media, 2008, – 336 p.

27. Gaaf, W. Van Der. *The Transition from the Impersonal Construction in Middle English* / W. Van Der. Gaaf. – Heidelberg : Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1904. – 326 p.
28. Hogg, M. R. *The Cambridge History of the English Language, The beginnings to 1066* / R. M. Hogg, N. F. Blake, R. Lass. – London : Cambridge University Press, 2000. – 640 p.
29. Huddleston, R. D. *The Cambridge grammar of the English language* / R. D. Huddleston, G. K. Pullum. – Cambridge : Cambridge University press, 2002 – 1842 p.
30. Kirkwood, H. W. *Aspects of Word Order and Its Communicative Function in English and German* / H. W. Kirkwood. – United Kingdom : Cambridge University Press, 1969. – 107 p.
31. Koch, P. *From subject to object and from object to subject: (De)personalization, floating and reanalysis in presentative verbs* / P. Koch, ed. G. Fiorentino. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 406 p.
32. Langacker, R. W. *Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar* / R. W. Langacker. – N.Y. : de Gruyter, 2002. – 395 p.
33. McNally, L. *A Semantics for the English Existential Construction* / L. McNally. – N.Y. : Garland Press, 1997. – 222 p.
34. Quirk, R. *A comprehensive grammar of the English language* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech. – London : Longman, 1982. – 1664 p.
35. Möhlig-Falke, R. *The Early English Impersonal Construction: An Analysis of Verbal and Constructional Meaning* / R. Möhlig-Falke. – N.Y. : Oxford University Press, 2012. – 546 p.
36. Radford, A. *Analysing English Sentences: A Minimalist Approach* / A. Radford. – London : Cambridge University Press, 2009. – 526 p.
37. Scott, F. S. *English Grammar. A linguistic study of its Classes and Structures* / F. S. Scott, C. C. Bowley, C. S. Bockett, J. G. Brown, P. R. Goddard. – London : Henemann Educational Book Ltd, 1970. – 433 p.

- 38.Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – 3rd edition. – N.Y. : Oxford University Press, 2005. – 659 p.
- 39.Sweet, H. New English Grammar / H. Sweet – N.Y. : Clarendon Press, 1940. – 534 p.
- 40.Wahlén, N. The Old English Impersonalia / N. Wahlén. – Götteborg : Elanders Boktruckeri Aktiebolag, 1925. – 221 p.

Список источников

- 41.Диккенс, Ч. Барнеби Радж; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. М. Е. Абкиной. – М. : Гослитиздат, 1958. – 767 с.
- 42.Диккенс, Ч. Большие надежды; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. М. Лорие. – М. : Гослитиздат, 1960. – 520 с.
- 43.Диккенс, Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. А. В. Кривцовой, Е. Ланна. – М. : Гослитиздат, 1959. – 1045 с.
- 44.Диккенс, Ч. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. Н. Д. Дарузес. – М. : Гослитиздат, 1959. – 1046 с.
- 45.Диккенс, Ч. Крошка Доррит; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. Е. Д. Калашниковой. – М. : Гослитиздат, 1960. – 558 с.
- 46.Диккенс, Ч. Лавка древностей; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. Н. А. Волжиной. – М. : Гослитиздат, 1958. – 647 с.
- 47.Диккенс, Ч. Наш общий друг; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. Н. А. Волжиной, Н. Д. Дарузес. – М. : Гослитиздат, 1962. – 821 с.

48. Диккенс, Ч. Жизнь и приключения Николаса Никлби; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. Н. А. Волжиной, Н. Д. Дарузес. – М. : Гослитиздат, 1958. – 721 с.
49. Диккенс, Ч. Повесть о двух городах; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. С. П. Боброва, М. П. Богословской. – М. : Гослитиздат, 1960. – 466 с.
50. Диккенс, Ч. Посмертные записки Пиквикского Клуба; Собрание соч. в 30 т. (Гл. I–XXX) / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. А. В. Кривцовой, Е. Ланна. – М. : Гослитиздат, 1957. – 519 с.
51. Диккенс, Ч. Посмертные записки Пиквикского Клуба; Собрание соч. в 30 т. (Гл. XXXI – LVII) / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. А. В. Кривцовой, Е. Ланна. – М. : Гослитиздат, 1957. – 502 с.
52. Диккенс, Ч. Приключения Оливера Твиста; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. А. В. Кривцовой. – М. : Гослитиздат, 1958. – 501 с.
53. Диккенс, Ч. Предписания доктора Мериголда; Собрание соч. в 13 т. / Ч. Диккенс; пер. с англ. Е. М. Чистяковой-Вэр – СПб. : Издательство П. П. Сойкина, 1901. – 452 с.
54. Диккенс, Ч. Тайна Эдвина Друда; Рецепты доктора Мериголда; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. О. Н. Хомской и И. В. Гуровой – М. : Гослитиздат, 1962. – 662 с.
55. Диккенс, Ч. Торговый дом Домби и сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. А. В. Кривцовой – М. : Гослитиздат, 1959. – 1026 с.

56. Диккенс, Ч. Тяжелые времена; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. В. М. Топер – М. : Гослитиздат, 1960. – 726 с.
57. Диккенс, Ч. Холодный дом; Собрание соч. в 30 т. / Ч. Диккенс; под ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна; пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой. – М. : Гослитиздат, 1960. – 1167 с.
58. Dickens, Ch. A Tale of Two Cities / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1859. – 450 p.
59. Dickens, Ch. Barnaby Rudge: A Tale of the Riots of Eighty / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1841. – 700 p.
60. Dickens, Ch. Bleak House / Ch. Dickens. – London : Bradbury & Evans, 1853. – 1130 p.
61. Dickens, Ch. David Copperfield / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1850. – 970 p.
62. Dickens, Ch. Dombey and Son / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1848. – 988 p.
63. Dickens, Ch. Great Expectations / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1861. – 500 p.
64. Dickens, Ch. Hard Times – For These Times / Ch. Dickens. – London : Bradbury & Evans, 1854. – 699 p.
65. Dickens, Ch. Little Dorrit / Ch. Dickens. – London : Bradbury & Evans, 1855. – 550 p.
66. Dickens, Ch. Oliver Twist, or The Parish Boy's Progress / Ch. Dickens. – London : Richard Bentley, 1838. – 338 p.
67. Dickens, Ch. Our Mutual Friend / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1864. – 803 p.
68. Dickens, Ch. The Life and Adventures of Nicholas Nickleby / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1839. – 699 p.
69. Dickens, Ch. The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1843. – 962 p.

70. Dickens, Ch. *The Mystery of Edwin Drood* / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1870. – 635 p.
71. Dickens, Ch. *The Old Curiosity Shop* / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1840. – 406 p.
72. Dickens, Ch. *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1836. – 1105 p.
73. Dickens, Ch. *Doctor Marigold's Prescriptions* / Ch. Dickens. – London : Chapman & Hall, 1865. – 905 p.

Приложение 1

Таблица комбинаторной сочетаемости «there + verb».

Глагол	Количество сочетаний в тексте	Использованное существительное
Экзистенциальные глаголы		
1. Seem	14	абстрактное
	2	конкретное
2. Must	7	абстрактное
	3	конкретное
3. Live	1	абстрактное
	5	конкретное
4. Remain	4	абстрактное
	4	конкретное
5. Exist	4	абстрактное
	1	конкретное
6. Can	5	абстрактное
	1	конкретное
7. Linger	4	абстрактное
	2	конкретное
8. Lay	0	абстрактное
	2	конкретное
9. Sit	0	абстрактное
	1	конкретное
10. Issue	1	абстрактное
	0	конкретное
11. Lie	0	абстрактное
	1	конкретное

Всего в тексте: 62		
Глаголы события		
1. Appear	15	абстрактное
	7	конкретное
2. Arise	2	абстрактное
	4	конкретное
3. Emerge	2	абстрактное
	2	конкретное
4. Rose up	1	абстрактное
	2	конкретное
5. Spring up	2	абстрактное
	0	конкретное
6. Loom	0	абстрактное
	2	конкретное
7. Lurk	1	абстрактное
	0	конкретное
Всего в тексте: 40		
	Глаголы движения	
1. Come	2	абстрактное
	10	конкретное
2. Stand	0	абстрактное
	8	конкретное
3. Enter	0	абстрактное
	5	конкретное
4. Approach	0	абстрактное
	4	конкретное
5. Arrive	0	абстрактное
	3	конкретное

6. Follow	0	абстрактное
	3	конкретное
7. Walk	0	абстрактное
	2	конкретное
8. Run	0	абстрактное
	1	конкретное
9. Creep	1	абстрактное
	0	конкретное
Всего в тексте: 39		